

ПРЕДИСЛОВИЕ

Личность и деяния Петра I большинству россиян в какой-то мере известны. Каждый наверняка читал о знаменитой Полтавской битве, хотя бы в школьном учебнике истории. А кто-то, вероятно, удосужился прочесть пушкинскую «Полтаву» и помнит чеканные строки:

*Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.*

И многим думается, что это судьбоносное сражение «поставило точку» в противоборстве двух государств. Но это не так. Битва произошла в июне 1709 года. Она явилась апофеозом одной из самых затяжных военных кампаний в истории России, завершившихся лишь в сентябре 1721 года. А вся «Северная война» длилась двадцать один год!

Разбив под Полтавой основной «костяк» вражеской армии во главе с Карлом XII, Петру еще пришлось громить шведские гарнизоны по побережью Балтики, брать осадой крепости Выборг, Ригу, Ревель, Кексгольм и другие. А сам шведский король в это время укрывался во владениях Оттоманской Порты (турецкой Османской империи).

Но с турками у Петра были давние счеты. Сателлиты османов — крымские ханы — постоянно делали набеги на южные окраины России. Кроме поджогов и грабежа они брали так называемый «ясырь» — молодых парней и девушек, затем продавая их на многочисленных восточных рынках, торгующих живым товаром.

Карл XII после бесславного поражения надеялся, что турки дадут ему пятидесяти тысячную армию, с которой он сумеет разгромить Петра. Однако турецкий султан Ахмед колебался: его ближайшее окружение — великий визирь и верховный муфтий — не одобряли союза с «неверными». А наш посол в Константинополе (Стамбуле) П. А. Толстой всячески препятствовал возникновению военного противостояния. Между тем русская армия сумела освободить от шведов Эстляндию и Лифляндию, и Петр праздновал заслуженную победу. Но тут в незатухающий русско-турецкий конфликт вмешалась французы — добрые «друзья» османов.

Маркиз Дезальер — посол «короля-солнце» Людовика XIV — сумел убедить турок, что война с Петром неизбежна. Турки стали спешно собирать огромное войско — Ос-

* Журнальный вариант.

манская империя была тогда одним из крупнейших государств мира. А нашему царю ничего другого не оставалось, как смело принять вызов, тем более что посол России — Толстой — был заключен в одну из самых мрачных тюрем — семибашенный замок «Едиколь». И с началом 1711 года было решено отправиться к границам Оттоманской Порты, в поход, оставшийся в истории под названием «Прутский», поскольку главные сражения произошли на берегах реки Прут.

Русская армия под командой фельдмаршала Б. П. Шереметева двинулась от берегов Балтийского моря к берегам моря Черного. Солдаты даже не успели толком отдохнуть от недавних битв со шведами. Вся наша воинская сила состояла из тридцати пяти тысяч драгун, пехотинцев и артиллеристов, в то время как навстречу ей шла двухсоттысячная турецкая армия под началом великого визиря.

Шведский король, находившийся в городке Бендеры, безуспешно пытался взять командование на себя, но османы даже не пожелали прислушаться к его советам. Подогреваемые французами, они хотели сами воспользоваться плодами будущей победы. А «король-солнце» вел двойную игру: он отправил в Москву своего посла Балюза, чтобы уговорить Петра не вступать в войну с турками, а ударить «в спину» Австро-Венгерской монархии, с которой Франция вела долгую тяжбу за «испанское наследство».

Испанский король Карл II, будучи бездетным, умер, а Людовик XIV и австрийский император Леопольд I, как его близкие родственники, вели борьбу за освобожденный престол. (Пресловутые «двойные стандарты» в политике, ложь и лицемерие, как мы видим, всегда были в ходу.) Однако Петр не поддался на уговоры и сам отправился к местам будущих сражений.

Властители Бессарабии (Молдавии) и Валахии (Румынии) тайно посылали своих гонцов в Москву, обещая государю всяческую поддержку. Но эти обещания, увы, оказались весьма призрачными. Валашский господарь Бранкован перешел на сторону турок, а владыка Бессарабии Кантемир выполнил их лишь наполовину. Хотя валахи (теперешние румыны), будучи православными людьми, сочувствовали русским — снабдить нашу армию хлебом и мясом в достаточной мере не смогли — на берегах Днестра, Прута и Дуная свирепствовала саранча...

Рассчитывать на победу в столь неблагоприятных условиях было бы наивно, но Петр не собирался сдаваться без боя. И девятого июля 1711 года на правом берегу тихого Прута закипело яростное сражение. Маленькая русская армия была окружена бесчисленными полчищами османов, в рядах которых сражались изменники — запорожские казаки. Три дня наши солдаты из последних сил противостояли неудержимому натиску врагов. Только полководческое искусство Петра и его опытных генералов спасло армию от разгрома. Потеряв тысячи отчаянных воинов-янычар, великий визирь решил идти на мировую, хотя царь уже писал завещание и готовился к смерти или позорному плену.

Но тринадцатого июля поредевшая русская армия вышла из окружения. Османы потребовали незначительных уступок, и царь на них охотно согласился. А шведский король, прискакав к месту битвы, гневно упрекал визиря за позорное малодушие и просил у него тридцать тысяч конницы, чтобы догнать, разбить русских и взять в плен Петра. Однако визирь остался непреклонен.

После убедительных, блистательных побед над в то время лучшей в мире шведской армией неудачный Прутский поход едва не поколебал авторитет Петра, но государь не упал духом. Продолжая военные, гражданские и экономические реформы, царь-преобразователь сумел превратить Россию в одно из мощных государств тогдашней Европы. И только неожиданная, скоростная кончина ее рачительного хозяина прервала почти на десятилетия это стремительное восхождение.

Книга первая

«ТРИУМФ»

1

Маркиза Дезальера пригласили во дворец к султану. Француз давно ждал этого визита. Через своих людей, умело и ловко пользуясь сребролюбием и жадностью турок и дружеской близостью к переводчику Александру Шкарлату, маркиз был в курсе всей внутренней и внешней политики османов. Хотя разобраться в тончайших причудливых хитросплетениях восточных нравов, желаний и намерений было отнюдь не просто...

Несмотря на кажущуюся приязнь и расположение турецких владык к французскому монарху, в их отношениях к остальным французам сквозило недоверие и осторожность. Они беспрестанно опасались, что коварные «неверные» обязательно обманут и накажут их.

Дезальер, помня беседы с предыдущим послом Ферриолем и наставления «короля-солнце», не особо беспокоился обо всех оттенках своих слов и поступков.

— Помните, дорогой, — говорил ему Людовик, — османы ценят и чтут только явную, незыблемую силу. Вы можете вести себя надменно и даже грубо — они это снесут. Но если вы проявите уступчивость и мягкость — они сочтут это позорной слабостью! И тогда — прощай все наши успехи и достижения!

И потому, направляясь в султанский дворец, Дезальер невольно сравнивал его с Версалем. Там любого посетителя потрясал размах, пышность и обилие роскошных парков, бесчисленных фонтанов, величественных дворцов. А когда гость поднимался по беломраморной посольской лестнице, способной вместить до двух десятков человек в один ряд, и видел на стенах красочные грандиозные панно, написанные придворным живописцем Шарлем Лебреном, на которых были изображены выдающиеся деяния «короля-солнце», то невольно проникался благоговейным восторгом и трепетом.

И, войдя в огромный зеркальный зал с семнадцатью невероятными — от потолка до пола — окнами и тремя сотнями блистающих зеркал, в которых отражались огромные сверкающие люстры, подданный любой страны был сражен наповал. Но едва он приходил в себя, из глубины зала доносился звучный и в то же время ласковый и спокойный голос:

— Подойдите ближе, местье...

И тогда ошеломленный пришелец понимал, что к нему обращался сам венценосный владетель всего этого великолепия, равного которому тогда не было на земле.

Дезальер вздохнул и огляделся — султанский дворец был не чета королевскому. Витиевато изукрашенный, отделанный фаянсом и цветными изразцами, он, безусловно, веселил и радовал взор, но не было в нем того величественного размаха и роскоши. А бесчисленные цитаты из Корана, написанные причудливой арабской вязью на стенах и переходах, приводили в недоумение.

Угодливые евнухи, низко кланяясь и фальшиво улыбаясь, проводили посла в «диван». Сам султан, новый великий визирь Балтаджи Мехмед-паша (предыдущего сослал на остров Эвбею), рейс-эфенди, наместник Бендер Юсуф-паша, поляк Понятовский и переводчик Александр Шкарлат любезно встретили маркиза. Дезальер с достоинством поклонился султану и сел в приготовленное ему кресло.

Присутствие всех вышеназванных лиц озадачило его. И султан тоже понимал несколько слов создавшего положения, потому без малейшего промедления сказал несколько слов переводчику.

Шкарлат произнес по-французски:

— Великий султан изволит передать господину послу, что он намерен начать военные действия против московитов.

Дезальер с ответом не спешил, делая вид, будто он всерьез обдумывает услышанное. Тогда заговорил великий визирь:

— Шведский король клянется, что соберет пятьдесят тысяч войска и просит у Оттоманской Порты еще пятьдесят тысяч янычар.

— Он не соберет пятьдесят тысяч, — засомневался рейс-эфенди, — шведы до сих пор воюют с московитами!..

— Где они воюют? — уточнил маркиз.

Вместо турок ответил поляк Понятовский:

— Далеко на севере. На побережье Балтийского моря.

Дезальер снисходительно улыбнулся:

— Ну и пусть себе воюют, — и обратился к султану: — Оттоманскую Порту это вряд ли должно волновать! Не правда ли?

Ахмед и его свита многозначительно переглянулись. Ответ посла им явно нравился. Турки опасались, что Франция принудит их занять сторону шведов, а это значило подчиниться неистовому Карлу, который был намерен забрать все в свои руки. Султан осторожно пояснил:

— Наш подданный — крымский хан Девлет-Гирей — поведет свою конницу на земли Украины и дальше.

Поляк Понятовский неловко потупился. Он знал, что шведский король обещал туркам отдать часть Польши. Дезальер заметил это и не преминул полюбопытствовать:

— А что же поляки? Они ведь вместе с русскими, пруссаками и датчанами составили антишведский союз. Их король Август...

Понятовский перебил его:

— Саксонский курфюрст Август, которого Петр вновь посадил на польский престол, в свое время подарил Карлу шпагу.

Османь насторожились. Понятовский продолжил, улыбаясь:

— Карл потерял ее в Полтавском сражении, а царь московитов подобрал шпагу и вернул ее законному владельцу.

— Он знал, что она была подарена Карлу? — настаивал маркиз.

— Без сомнения. Говорят, что Август даже смутился, завидев ее.

Шкарлат, переводя все это султану и его свите, изо всех сил пытался разъяснить, в чем смысл предательского поведения саксонского курфюрста, но, как оказалось, напрасно. Турки загодя знали, что все неверные — изменники и лжецы, а потому верить им никак нельзя.

— Шведский король, — вступил в разговор рейс-эфенди, — хочет отомстить за свое поражение и готов обещать все, что угодно. Но можно ли верить его обещаниям?..

Этот вопрос, несмотря на некую расплывчатость и неопределенность, предназначался только для ушей маркиза. Османь хотели получить от него твердые и нерушимые гарантии. А это как раз и не входило в задачу французского посла. Он не собирался от лица Франции стоять стеной за шведского монарха. У него были другие цели.

— Если царь Петр все-таки захватит побережье Балтийского моря, — глубокомысленно заключил он, — то следом придет очередь моря Черного. А потом он окажется вблизи Босфора и Дарданелл.

Турки всполошились. Все они прекрасно помнили, как десять лет назад, во время правления султана Мустафы (вскоре свергнутого его младшим братом Ахмедом), в Стамбул (тогда еще Константинополь) пришел с визитом русский фрегат «Крепость» и встал на якорь под самым султанским дворцом.

Затем, несколько дней спустя, поздней ночью капитан Пембург (родом англичанин), основательно нагружившись ромом, произвел оглушительный салют из всех орудий во славу российского флота. Шум и паника были страшные, потому что правоверные решили, будто это знак другим русским кораблям, якобы идущим на штурм города.

Султан нахмурился:

— У нас с москвитями заключен мир на тридцать лет. Но они неустанно возводят крепости по побережью Азовского моря и строят там флот.

— А что делает в Стамбуле русский посол? — как бы невзначай осведомился Дезальер.

— Мы держим его под домашним арестом! — усмехнулся рейс-эфенди.

— И держим под арестом шведского короля, — добавил великий визирь и повернулся к Юсуф-паше: — Как он себя чувствует в Бендерах?

Паша, дотоле молчавший и почтительно внимавший султану и его ближайшему окружению, скромно ответил:

— Неверный беснуется, но мы не спускаем с него глаз.

Понятовский, будучи весьма осведомленным относительно того, как содержится, что говорит и что думает шведский затворник, тем не менее сотворил непроницаемое лицо и принял нарочито отсутствующий вид. Дезальер мельком взглянул на него, перевел взгляд на турок и заговорил с торжественными нотами в голосе:

— Мой король всегда был верным другом Оттоманской Порты. Он поддерживал ее и словом и делом, неизменно стоя на страже интересов своих друзей. Не так ли?

Это было правдой. Франция помогала туркам строить корабли и лить пушки, снабжала их новым вооружением. Но помогала лишь тогда, когда это было необходимо ей самой, дабы иметь в лице османов благодарного и верного помощника. В планы Людовика вовсе не входило усиление Швеции, так же, как и неожиданное появление на мировой сцене никому неведомой Московии. А самым желательным исходом из всего этого было бы их ожесточенное самоистребление. И потому маркиз спокойно прибавил:

— Если крымский хан намерен осуществить вторжение в русские земли, то шведы вправе его поддержать, — он хитро улыбнулся, — если у них хватит сил... — и тут же посерьезнел, — но хозяевами Черного моря должны остаться только правоверные. Во славу Аллаха!

Услышав имя Всевышнего, султан и его приближенные воздели взоры к небу, благоговейно сложив ладони и старательно огладив ими бороды. Поляк Понятовский, видя и слыша все это, подумал с долей восхищения: «Неплоха уловка! Ох, и бестия француз!»

Султан хлопнул в ладоши. Молчаливые внухи на серебряных подносах внесли сладости, фрукты и напитки. Это означало, что аудиенция окончена.

В степи вокруг Бендер уже отцвели маки. Густой ковыль, вымахав чуть ли не в рост человека, покорно склонил долу свою пышную серебряную гриву. Полынь, чабрец, типчак, мята, вобрав в себя все живительные земные соки, наполняли округу терпким, дурманящим ароматом.

В белесом, истомленном зноем воздухе, где-то в поднебесье, застыли распухшие коршуны. Дрофы и стрепеты, попрятавшись в высокой траве, сидели, распушив перья и раскрыв от жары клювы.

Степные лисы и волки, укрывшись в темных норах и логовах, лениво дремали, иногда сердито ворча и отпихивая лапами неугомонных щенят, не дающих родителям покоя.

Овечьи стада, набив животы травой, недвижимо, как груды серого от пыли войлока, лежали на земле, запаленно дыша. Мохнатые сторожевые псы, потомки древних волкодавов, оставшихся от забытого римского владычества, вывалив влажные языки, сидели чуть поодаль, настороженно поводя чуткими ушами.

А меланхоличные пастухи, опершись на нескончаемо длинные, изогнутые посохи-«герлыги», неотрывно смотрели вдаль сощуренными, мечтательными глазами, словно пытаясь припомнить что-то бесконечно важное и дорогое...

В самом пограничном городке, с его узкими, кривыми улочками, глинобитными домишками и глухими двориками, тоже властвовали духота и зной. Не хотелось ни двигаться, ни разговаривать.

Даже он, импульсивный, порывистый, беспокойный шведский монарх, был подмят и скован этой всеобщей неодолимой праздностью и ленью.

— Теперь я понимаю, — невесело делился Карл со своими помощниками, — почему турки так медлительны и слабы. Их утомляет эта несносная жара.

Пожилой генерал Шпарре, которому тоже не очень хотелось думать и обсуждать происходящее, охотно соглашался:

— Вполне вероятно, — генерал сделал над собой усилие, — но иногда мне кажется, что они этому рады.

— Чему?

— И жаре, и своей лени, — Шпарре усмехнулся.

Адъютант Гилленкрюк был с ним солидарен, однако благоразумно молчал. Король внимательно окинул собеседников, вытер пот, обильно струившийся по его узкому длинному лицу. По укоренившейся привычке нервно расчесал пятерней короткие, неряшливо постриженные и сильно поредевшие волосы, глубоко вздохнул.

Помощники, не сговариваясь, подумали, что их монарх заметно сдал и готов утратить веру в самого себя. А ведь ему было только двадцать восемь лет! Гилленкрюк осторожно улыбнулся:

— А помните, ваше величество, какой мороз стоял на Украине два года назад?

Видимо, ему хотелось ободрить короля, воскресив в его памяти нечто противоположное. Тогда, в конце 1708 года, они вместе с Мазепой скитались по городам и весям злосчастной Малороссии, яростно отбиваясь от летучих русских отрядов.

Вблизи небольшого селения Красный Кут король, как всегда, возглавил атаку своей кавалерии, зайдя в тыл русскому генералу Ренну. Но атака была отбита, шведы отступили, а Карл вместе с сотней драгун укрылся возле одинокой ветряной мельницы.

Наступал вечер. Густо-малиновое зимнее солнце стремительно, как это случается в особо холодные дни, скатывалось к горизонту. Мороз заметно крепчал.

— Ваше величество, — едва шевеля губами, произнес Гилленкрюк, — вам лучше укрыться там, — он кивком показал на старый, иссеченный дождями ветряк.

Карл не возражал. Открыв скрипучую широкую дверь, они вошли внутрь. Так входят случайные прохожие в капище таинственного языческого идола. В полумраке угасающего дня с трудом разглядели огромные, грузные жернова, к

которым сверху тянулись хватистые, грубо отесанные рычаги... Король поднял голову — верхние концы рычагов терялись в непроницаемой черноте, у самой вершины мельницы.

Налетел дерзкий порыв предзакатного ветра, косые, массивные крылья ветряка неуклюже шевельнулись, натужно закрипели, дернулись мощные рычаги, и жернова глухо, угрожающе заскрежетали.

Шведы вздрогнули. Им показалось, что они угодили в пасть великана-людоеда, и он, почуяв желанную добычу, плотоядно клецнул челюстями.

Но грубый примитивный механизм мельницы был надежно застопорен, и случайный порыв не смог запустить ветряк.

— Не мешало бы, ваше величество, развести костер, — подсказал Гилленкрок.

Король огляделся:

— Где? Здесь?!

Адъютант переступил с ноги на ногу:

— Конечно. Места хватит.

Карл согласился:

— Хорошо. Зовите солдат.

Гилленкрок вышел и вернулся с пятеркой иззябших, угрюмых драгун. Они палашами и саблями изрубили на части деревянные рычаги, идущие к жерновам, сложили их в кучу и высекли огонь.

Вокруг уже царила ночь, а внутри старого ветряка призывно засветился веселый огонек костра. С грехом пополам отогрев руки и лицо и позвав обогреться солдат, король решительно распорядился:

— Пусть все греются по очереди. Слышите, гвардейцы?

Драгуны молча кивали головами. Уже почти год они следовали за своим неустрашимым монархом по лесам, болотам и степям проклятой Малороссии. Терпели голод, дождь, снег и мороз и не отваживались роптать. Скорее всего потому, что их главный предводитель сам мужественно переносил все это.

И еще они упрямо верили в удачу, которая сопутствовала ему. По крайней мере, так считали все вокруг. Многих из тех, кто воевал с ним под Нарвой, уже не было в живых, кто-то лишился руки, ноги или глаз, а ему пока везло. Карл смело шел навстречу свое судьбе.

— Нас тогда выручил Шлиппенбах, — напомнил Гилленкрок.

Король хмуρο кивнул головой. На той чертовой мельнице они едва не погибли. Спалили все, что можно было спалить, включая крылья и дверь. Солдаты поморозили руки и ноги, а лошади едва не околели от холода.

Под утро, еще до восхода солнца, вдалеке показались темные фигурки всадников. Бедные страдальцы решили, что это решительно наступают русские и приготовились стоять до последнего, но на помощь им спешили конные эскадроны бравого Шлиппенбаха.

За окнами раздался шум. Шпарре выглянул во двор.

— Кто там? — повернул к нему голову король.

— Наш хозяин — Юсуф-паша, — бросил через плечо генерал, — и с ним еще люди.

Карл и адъютант насторожились — не слишком часто посещал их глава пограничной области. В прихожей послышались уверенные шаги. Шведы внутренне подобрались, ожидая всего, чего угодно. Первым в зал вошел Юсуф-паша, как и полагается истинному хозяину. Взоры короля и его помощников так и впились в его лицо.

Но гладкая, опушенная небольшой каштановой бородкой физиономия турка была безмятежно спокойна. За его спиной возник поляк Понятовский и гетман

Орлик. Адъютант Гилленкрюк и генерал Шпарре медленно встали, а шведский монарх продолжал упрямо сидеть, всем своим видом изобразив величие и силу.

В глазах турка мелькнула быстрая тень, однако он горделиво выпрямился и негромко произнес длинную, цветистую фразу.

— Досточтимый паша от всей души приветствует тебя, славный король, — незамедлительно перевел Орлик, — и передает тебе добрые пожелания от великого султана, повелителя всех правоверных! Султан надеется, что ты, слава Аллаху, здоров и силен.

Карл небрежно кивнул:

— Я благодарен султану за приветы, но скажи, дорогой паша, сколько мне еще здесь сидеть?

Орлик слегка поморщился. Ответ был слишком груб и прямолинеен, и ему пришлось значительно смягчить его:

— Король бесконечно рад милостям великого султана, однако же ему, во имя Аллаха, хотелось бы знать, до каких пределов простирается щедрое гостеприимство Светила Востока? — так передал он слова шведского монарха.

Паша надменно ответил:

— Милость султана, слава Всевышнему, воистину безгранична, и король может пользоваться ею безо всякой опаски.

Гетман секунду подумал и перевел:

— Султан твердо надеется, что вам здесь хорошо.

Карл вскипел, но в разговор вмешался Понятовский:

— Ваше величество, позвольте я вам все объясню. Умоляю вас!

Помощники короля охотно обернулись к поляку, и Карл, махнув рукой, сердито обронил:

— Валяйте!

Понятовский быстро заговорил:

— Третьего дня мы были на приеме у султана. Там присутствовала вся высшая знать и французский посол Дезальер...

— Французский посол? — удивился Карл. — Вот это новость! Как он там оказался?!

Юсуф-паша, слушая непонятную для него речь и уловив имя посла, переспросил Орлика:

— Что говорит этот поляк? Почему он называет посла франков?

Гетман не смутился:

— Он передает королю привет от французского монарха.

Тут, в свою очередь, удивился турок:

— А разве они хорошо знакомы? Я не помню, чтобы посол об этом говорил.

Орлик моментально нашелся:

— Все христиане отлично знают друг друга. Тем более — царственные особы!

Юсуф-паша покачал головой:

— Коран справедливо говорит: неверные — опасные люди!..

А Понятовский тем временем пересказал шведам суть того, что было решено в «диване» у султана и предупредил:

— Умоляю вас, ваше величество, ничего не выражайте вслух! Оставьте все на потом... Мы все потом обсудим досконально.

Карл, пересилив себя, нехотя кивнул головой. Его адъютанты согласно вздохнули. Понятовский повернулся к Орлику и прибавил по-польски:

— Передайте паше, Филипп, что король вполне удовлетворен его визитом.

Гетман подобострастно склонил голову, как того требовал восточный обычай:

— О, высокочтимый паша! Шведский владыка весьма обрадован твоему приходу и твердо надеется, что милость и расположение великого султана не оставят его!

Глава пограничной области спокойно вял этому ловкому, велеречивому ответу и чуть подвигал бровями. Услышанное казалось ему подозрительным: сердитое выражение на лице шведского короля никак не соответствовало произнесенным словам. Но, как послушный, истинный придворный, он приложил правую руку к сердцу, качнул гордой головой в роскошной чалме, неспешно повернулся и надменно удалился.

— На кой черт он сюда явился?! — рывкнул Карл, едва шаги турка затихли.

— Чтобы успокоить и обнадежить вас, ваше величество, — предположил Гилленкрюк.

Король сжал кулаки:

— Вы помните, Аксель, — он повернулся к Шпарре, — стоило нам тут появиться — османы встречали нас пушечными салютами и радостными кликами! Юсуф-паша называл нас дорогими гостями! А что теперь?

— Султан не верит, что вам удастся собрать армию, — осторожно ввернул Понятовский.

— Не верит?! — Карл вскочил на ноги и забегал по залу. — Как он смеет?! Он упорно думает... — король гневно взмахнул кулаком, — если жалким москвитам удалось одолеть нас под Полтавой, то моя Швеция разучилась воевать?! Чертов турок!

Помощники тревожно переглянулись. Король решительно остановился перед Гилленкрюком:

— Как идут наши дела в Лифляндии?

— Граф Стремберг защищает Ригу, а генерал Любекер — Выборг. Наши гарнизоны стоят в Пернове, Ревеле, Кексгольме и острове Эзель, — быстро ответил адъютант.

Карл повернулся к Понятовскому:

— Ну, что вы на это скажете? — он потряс сжатыми кулаками. — У русских не хватит сил взять эти города! А эти чертовы османы все твердят, что я не сумею собрать армию! Разбив русских, мои солдаты двинутся на Польшу и дальше! — король гневно окинул всех присутствующих.

К нему, по всей вероятности, вновь вернулась вера в собственную удачу. Его помощники, вместе с Понятовским и Орликом, не стали возражать

3

После прихода русской эскадры во главе с Петром, доставившей генерал-адмиралу Апраксину провиант, порох и пушки, Выборг продержался две недели. Каждый день его обстреливали тяжелые орудия, и город был почти разрушен ядрами и бомбами. Одиннадцать шведских кораблей, пришедших на помощь осажденным вслед за отплытием русского государя, были решительно обстреляны залпами с галер, стоявших на рейде в заливе. Шведы ушли, бросив своих.

В начале июня после сильного прицельного огня в крепостной стене образовался обширный пролом, и русским командованием было решено бросить в него два батальона пехотинцев. Пару дней спустя все было готово к штурму, но комендант Выборга генерал Любекер вдруг согласился сдать город. Апраксин принимать капитуляцию не спешил. Он ждал прибытия государя.

Петр приехал в простой почтовой карете и согласился на следующие условия: гарнизон цитадели должен выйти без музыки, орудия и знамен, с женами, детьми и

скарбом. Купцы и лица духовные ни в чем не будут стеснены. Все простые жители останутся свободны.

Комендант условия принял. Государь уже готовился войти в крепость, но неожиданно к нему в палатку привели шведского поручика, пойманного в нескольких верстах от Выборга.

— Он пытался прорваться в город? — сурово спросил Петр.

— Нет, государь, — ответил бригадир Чернышев, — он бежал оттуда...

— Бежал? Зачем?!..

Чернышев передал царю распечатанный конверт:

— Комендант Выборга умоляет командующего шведской эскадрой спешно высадить десант и ударить нам в спину.

Петр побелел, задергал шеей, и глаза его стали бешено вращаться. Конверт упал на землю. Ближайшие военачальники и даже пленный швед смертельно перепугались. Большинство знало, как лют и страшен русский царь в минуты яростного, неудержимого гнева. Только Екатерина и редко-редко Меншиков могли унять его всесокрушающий порыв.

— Мерзавец! Негодяй! Сволочь! — дальше посыпалась отборнейшая брань. — Готовьте пушки к бою! Мы разнесем в прах это подлое гнездо!

В палатку тихо вошел Апраксин. Он услышал пугающий рев государя еще за стенами.

— Ни одного шведа не оставим в живых! — могучий кулак царя опустился на голову пленника, и тот упал, как подкошенный.

Апраксин недоуменно воскликнул:

— Петр Алексеич! Горожане выходят за стену. Как быть?

Чудовищным усилием воли государь сумел привести себя в чувство:

— Как выходят?! Кто позволил?! По какой нужде?

Генерал пожал плечами:

— Там старики, женщины, дети. Простые обыватели, стало быть.

Петр окончательно пришел в себя, машинально поправил мундир, сердито окинул своих помощников, глубоко вздохнул:

— Этот мерзавец Любекер затеял с нами грязную игру! — он показал глазами на упавший конверт.

Чернышев поднял его и передал Апраксину. Генерал-адмирал неловко повертел бумагу в руках, не умея читать по-шведски. А несчастный пленник шевельнулся и застонал. Петр наклонился над ним и рывком поставил шведа на ноги. Тот в страхе закрыл глаза.

— Русский-то кулак покрепче шведского лба! — царь обратился к Чернышеву: — Господин бригадир, сведите и представьте этого малого генералу Любекеру, — он ядовито сощурился, — пушай он знает, за что им всем терпеть придется!

Пленника вывели вон. Петр решительно выпрямился:

— Посему решено: объявить весь гарнизон крепости военнопленными, кроме раненых и больных! — и добавил после минутного раздумья: — Вдов и детей убитых офицеров отпустить на волю со всеми пожитками.

А час спустя, сам государь во главе Преображенского полка, как и его полковник, вошел в разрушенный город, расставил караулы и распорядился начать восстановительные работы. Военнопленные шведы вместе с русскими солдатами стали чинить разбитые ядрами дома, класть печи, расчищать дворы и улицы.

Из пятнадцати тысяч шведского гарнизона во время осады погибли тысяча сто девятнадцать человек. Число пострадавших мирных обывателей, как всегда, осталось неизвестным.

А за тысячу с лишним верст от павшего Выборга последние дни доживала осажденная Рига. Вслед за повальным голодом в город пришла моровая язва (чума), от которой погибли многие тысячи военных и гражданских лиц. Непреклонный генерал-губернатор Стремберг, поддерживаемый местным дворянством, не спешил сдаваться, ожидая подмоги извне.

Но Шереметев, Меншиков и Репнин тоже не дремали. Подход с моря шведских судов блокировала земляная крепость Александр-шанц, а устье реки Западной Двины (Даугавы) русские прочно перегородили толстыми бревнами, связанными цепью.

После неудачной попытки помочь защитникам Выборга шведский флот приблизился к умирающему городу, но был решительно отбит пушками Александр-шанца. В устье реки корабли войти не рискнули, и Рига осталась доживать последние дни.

Простые жители оказались не столь мужественными и стойкими и, как могли, группами и в одиночку, бежали из зачумленного города, тем самым принеся заразу в ряды осаждающих. Среди русских солдат начались болезни и мор. Начальство всполошилось. Фельдмаршал Шереметев немедля отправил к генерал-губернатору гонца с письмом, в котором предложил шведам «сдаться на честных условиях».

На следующий день посланец вернулся с ответом. Его самого и письмо губернатора долго и старательно окуривали густым дымом можжевельника (единственная на то время спасительная мера от эпидемий). Затем гонца, со слезящимися от дыма глазами и пропахшего сладковато-пряным духом, привели к главным военачальникам.

— Ну, что изволил отписать нам благородный граф? — настойчиво осведомился фельдмаршал.

Гонец протянул ему письмо. Однако Шереметев кивком подозвал к себе толмача-финна и показал ему на конверт. Переводчик осторожно взял бумагу, медленно развернул ее. Находившиеся тут же Меншиков и Репнин напрягли слух.

— Генерал-губернатор просит дать ему время на размышление, — сообщил переводчик, — ему желательно получить согласие дворян и жителей города.

Данилыч усмехнулся:

— Жители прут оттуда без оглядки! Хрен удержишь! Давеча один из них признался, что в Риге не хватает живых, чтобы хоронить мертвых.

Шереметев качнул головой и твердо изрек:

— Дадим графу сутки, — потом добавил: — А лучше — двое. Глядишь — сговорчивей будут!

На том и порешили. Однако Стремберг, получив ультиматум, просил десять суток на размышление. Тогда Шереметев приказал засыпать город бомбами и ядрами. После десятидневного ожесточенного обстрела, когда на Ригу обрушилось более трех тысяч снарядов, в русский лагерь явились девять депутатов.

Обе стороны согласились на том, что гарнизон выйдет из города со всеми почестями: со знаменами, музыкой и оружием. Духовенство, дворяне, а также городской магистрат останутся в своих прежних правах. Спорить было нечего: проклятая чума одинаково безжалостно косила и победителей и побежденных.

Сорок восемь часов спустя взорам русских солдат предстало трагичное, горестное и незабываемое зрелище: из городских ворот, под нестройное пение десятка труб и негромкий рокот барабанов выходило пешее шведское воинство. (Лошадей давным-давно поели.) Штандарты и желто-голубые знамена уныло вздымались над поредевшими колоннами...

Синие, простреленные и потрепанные мундиры болтались на исхудавших, изможденных телах. В жидких нестройных рядах шли больные, увечные, донельзя

измученные солдаты и офицеры некогда прославленной армии. Из двадцати двух полков в живых осталось немногим более пяти тысяч человек. А в покинутом ими городе были оставлены шестьдесят тысяч непогребенных тел.

Грустно и жалостно смотрели наши солдаты на почетный исход своих недавних противников, а в глазах Шереметева, Репнина и даже Меншикова стояли слезы.

4

Древний город Константинополь жил своей привычной, пестрой жизнью. Турки-османы, подчинив два с половиной века назад блестящую столицу бывшей Византии, проникли во все поры сказочно богатой и знаменитой греческой державы. Но, в отличие от многих завоевателей, они не стали предавать огню, взрывать и ровнять с землей ее выдающиеся памятники зодчества. Скажем, ту же великолепную Софию.

Оставив нетронутым главный купол храма, они возвели по углам стройные минареты, густо покрасили лики христианских святых и умело разместили цитаты из Корана. Получилось некое подобие тесного союза двух религий. (В XX веке первый президент Турции Мустафа Кемаль приказал очистить христианские святыни и превратить Софию в музей.) Впрочем, и сам Коран не отрицает христианских догм и роли подвижников. Посланник Аллаха Мухаммед считал святыми пророков Мусу (Моисея), Иссу (Иисуса Христа), Исхака (Исаака) и многих других.

Никто не спрашивал покоренных греков, нравится им или нет такое соседство? Однако огромная Оттоманская империя, охватившая земли юга Европы, включая Балканы и греческий архипелаг, Малую Азию, Ближний Восток и север Африки, пожалуй, была одной из самых обширных держав всего мира. А все другие, хотели они того или нет, были вынуждены с ней считаться.

Петр Андреевич Толстой, оказавшись жалким затворником в тесном убогом жилище, невольно размышлял о превратностях своей судьбы и о том, что ждет его впереди. А там могло случиться всякое. Даже позорная жестокая смерть. Коварство и непредсказуемость турок исключали всякое подобие благополучного исхода.

Он вспомнил свой декабрьский визит к султану, когда сам Ахмед и его окружение расточали благостные улыбки и славословия, и Толстой уверился в том, что османы «не держат камня за пазухой». Он и сейчас был убежден в искренности их намерений. Но потом все круто изменилось.

Посол некоторое время пытался найти причину этой перемены, но затем понял, что искать ее, по меньшей мере, бесполезно. Слишком много охотников стремилось испортить добрые отношения России и Оттоманской Порты. Это был и неугомонный шведский король, и французский, и бывший польский, и среди самих турок также хватало недоброжелателей. Будь султан Ахмед тверже и прозорливей, он бы наверняка смог вести более мудрую и осторожную политику.

Однако же владыка Порты сам был ставленником своевольных янычар, свергнувших его брата Мустафу. Собственное благополучие, охота, прогулки и утехы гарема занимали его куда больше, чем отношения с соседями. Петр Андреевич это прекрасно понимал и, останься в окружении султана прежний визирь Чорлулу Али-паша, посол смог бы добиться желаемого результата, но теперь...

Теперь Толстой чувствовал, что все его усилия пропадают даром, и, оказавшись в роли то ли затворника, то ли пленника, он просто-напросто был связан по рукам и ногам. И только лишь обостренная наблюдательность и немалый жизненный опыт вовремя подсказывали ему, в каком направлении движутся отношения между его отечеством и турецкой империей.

Чем строже становился надзор и грубее вели себя охранники и чюрбачей, тем очевидней была уверенность в том, что дело идет к войне. Редко-редко ему удавалось получить нужные сведения от грека Спилиота или серба Луки Барки, а что касалось передачи их в Россию, то все обстояло еще сложнее. Через слугу грека Лука известил Толстого, что австрийский посол Тальман, имевший доступ в султанский дворец, возмущался тем, как маркиз Дезальер «не перестает с величайшей наглостью натравливать Порту на Россию».

И началом будущих военных действий, по его словам, станет набег на Малороссию конницы крымского хана. Петр Андреевич уже ничему не удивлялся. Он невольно вспоминал свои давние, более чем двадцатилетние, злключения в южнорусских степях, когда под началом В. В. Голицына ему приходилось терпеть невыносимую жару, жесточайший голод и жажду. А коварные и безжалостные крымцы сожгли всю траву и отравили все колодцы.

Новому же хану Девлет-Гирею не терпелось утвердить свое владычество над правоверными и заодно насытить их неумные и алчные аппетиты. Извечные недруги России страстно желали напасть на ее мирные города и села, все разграбить и сжечь, а главное — захватить побольше «ясыря» (молодых, здоровых парней и девчат) и выгодно продать его на невольничьих рынках Востока.

5

В Бендерах воцарилось уныние. Бывший польский король Станислав Лещинский через своего агента Понятовского сообщил Карлу, что русские взяли Выборг, Ригу и осадили Ревель, Пернов и Кексгольм. А царь Петр в Санкт-Петербурге пышно отпраздновал годовщину Полтавской победы.

Шведский король вначале дико бесновался, так, что янычары, несшие охрану, едва не застрелили его, потом он затих, махнул рукой и ушел к себе в спальню. Шпарре и Гилленкрок, кое-как усмирившие яростный гнев своего монарха, старательно оправляли одежду, не глядя друг на друга. Обоим было стыдно всего произошедшего и своего присутствия при этом.

Поляк Понятовский, оказавшийся невольным свидетелем безобразной сцены, всем своим видом давал понять, что ничего страшного не стряслось. Во всяком случае — он не станет предавать увиденное огласке и «делать из мухи слона». Шведы наконец привели себя в порядок и успокоились. Шпарре осторожно полюбопытствовал:

— Генерал Любекер остался жив, надеюсь? И какова его судьба?

— Царь Петр лично арестовал его, — Понятовский вздохнул, — а графа Стремберга обменяли на русского генерала Вейде.

Гилленкрок покачал головой:

— Генерала Вейде? Это тот обрусевший немец, которого мы взяли в плен под Нарвой? Ведь так?

— Он самый, — подтвердил поляк.

В комнате воцарилось молчание. Шведы вспомнили, что Адаму Вейде много раз предлагали перейти на службу шведской короне, что нередко случалось в тогдашней истории, однако генерал остался верен присяге и предпочел измене тюремный каземат.

— Он провел в заключении десять лет, не так ли? — уточнил Шпарре.

Гилленкрок негромко прибавил:

— Генерал был под Нарвой серьезно ранен, долго лечился, а потом... — он посмотрел на собеседников, — потом содержался в тюрьме.

Понятовский старался не встречаться со шведами взглядом. Он отлично понимал, что происходит у них в головах. Убедительные, разгромные победы русских лишали противника малейшей веры в то, что удача наконец-таки повернется к ним лицом. Шпарре бросил на него мимолетный взгляд и хмуро спросил:

— Простите, а что ваш король? Он собирается отстоять свою корону?

— Лещинский собрал под свои знамена почти десять тысяч сторонников, — осторожно ответил поляк.

Генерал криво усмехнулся:

— Десять тысяч?! Это же капля в море!

Понятовский развел руками:

— Между прочим, генерал Крассау едва-едва набрал около шестнадцати тысяч солдат.

Шведы переглянулись. Их соотечественник находился в Померании более двух лет, имея весьма скромный результат. Если не сказать хуже.

— А сколько солдат у Петра? — дабы сгладить возникшую неловкость и разочарование, задал Гилленкрок не совсем уместный вопрос. Понятовский ответил вполне осведомленно:

— По мнению многих военных — у москвитов никак не менее ста тысяч. И это — не считая кавалерии и флота.

Шведские генералы заметно поскущели. Понятовский кстати сообразил, что настало время откланяться. Вряд ли ему следовало ждать более удобной минуты. Он не спеша поднялся, привычно оправил парик и рукоять шпаги. Адьютант Гилленкрок искательно взглянул на него:

— Надеюсь, господин воевода, что о наших... — он сделал короткую паузу, — бедах в Прибалтике вы не поставите в известность самого султана и его окружение? К чему эти мрачные подробности?

Понятовский пожал плечами:

— Ну, разумеется, генерал. Я, конечно же, не буду излишне многословен, — он выразительно поднял брови, — но австрийцы или те же французы едва ли будут молчать!

Агент поклонился и вышел. Шведы некоторое время безмолвствовали. Они оба прекрасно понимали, что эта мрачная, удручающая новость вскоре станет известна не только османам — всему свету.

— Выборг был мощной крепостью, — глубокомысленно произнес Шпарре, словно пытаясь убедить в этом не только себя, но и собеседника.

Гилленкрок согласно кивнул головой и добавил:

— Рига тоже немногим ему уступала, а Стремберг — не худший из наших генералов... — и тут они, не сговариваясь, подумали, что происшедшее говорит о многом и лучше в него всерьез не углубляться.

Адьютант прислушался к шуму в соседних комнатах и, не заметив ничего подозрительного, откровенно признался:

— Мы не сумели взять Полтаву, — он посмотрел в лицо собеседнику, — а Полтава в сравнении с тем же Выборгом — крепость ничтожная.

— Конечно, — согласился Шпарре, — стены Полтавы были сложены из дубовых бревен, местами даже основательно прогнивших.

— Вот именно, — Гилленкрок усмехнулся, — и, несмотря на все это, мы почти два месяца штурмовали ее, хотя его величество был убежден, что до серьезного штурма дело точно не дойдет. Русские сдадутся при первых же выстрелах! Но они не сдались.

Тут он неожиданно замолчал, словно вдруг одумавшись. Шпарре, сам будучи участником тех злополучных событий, подсознательно догадывался, почему

его собеседник вспомнил об этом. Видимо, ему хотелось найти разгадку всех последующих катастроф. Ведь недаром поляк Понятовский сообщил им о том, что русский царь с триумфом отпраздновал годовщину Полтавской битвы. Грандиозного сражения, в котором шведы были наголову разбиты.

— Во многом был виноват гетман Мазепа, — осторожно подсказал Шпарре.

Адъютант встретился с ним взглядом:

— Вы так думаете? И в чем же его вина?

Пожилой генерал вздохнул:

— Вы ведь отлично помните — он заманил нас щедрыми посулами. Обещал провиант, одежду и военные припасы. А что оказалось? — Шпарре выразительно развел руками.

Гилленкрок не стал возражать, хотя был не согласен с собеседником во многом. Ему вдруг пришло на память, как три года назад Карл спешно назначил Шпарре московским губернатором и грозился неминуемо свергнуть русского царя с престола, а Россию разделить на мелкие княжества. Сам Шпарре намеревался «разогнать русскую чернь со всего света плетями». И называл всех русских «канальями».

— Эти русские канальи, — не глядя в лицо генералу, негромко процедил адъютант, — оказались крепкими орешками. Кто бы мог подумать!

Шпарре намек понял, только оспаривать его не рискнул. В нынешнем положении это бы выглядело довольно глупо. Он вновь попытался найти всему хоть какое-то оправдание.

— Если бы наш король, — покосившись на собеседника, так же тихо ответил пожилой генерал, — ночью, накануне сражения, не стал объезжать русские позиции и не наткнулся на засаду, то...

Гилленкрок усмехнулся:

— Вы полагаете, что сражение под Полтавой закончилось бы нашей полной победой? Я правильно вас понял?

Шпарре собрался с духом:

— Вполне возможно, — и, не дав адъютанту прервать себя, добавил с апломбом: — Помните, как триста спартанцев разгромили огромную армию персов?! Кто бы мог в это сгоряча поверить?! — он развел руками. — На войне, как вы знаете, случается самое невероятное.

Сосед молчал, и это прибавило генералу уверенности в своей правоте.

— Рана короля, к сожалению, отрицательно повлияла на солдат, — Шпарре вздохнул, — она ослабила их боевой дух и лишила уверенности в победе. А царь Петр, как вы знаете, сам повел своих солдат в бой и был в самых опасных местах сражения.

Адъютант не отвечал. Кое в чем он был согласен с оппонентом, но весьма в немногом. Поступок короля тогда мало кто одобрял, и появилась упорная версия, что Карл намеренно искал гибели. Гилленкрок в нее не верил.

Когда ранним утром двадцать седьмого июня 1709 года, в день решающей битвы, он увидел десяток крепких вражеских редутов, в которых стояли грозные орудия и в руках у канониров дымилась фитили — ему стало абсолютно ясно, что исход сражения предreshен.

Раненого Карла поместили в носилки, а командовал шведской армией фельдмаршал Рейншильд. Еще не поднялось солнце, как передовые части шведов во главе с опытным Левенгауптом бросились в атаку на ближайшие русские редуты. Два из них были недостроены, и противник воспользовался этим. Пушкарей прикончили штыками и шпагами, и среди шведов раздались ликующие крики: «Победа!»

Но заговорили орудия остальных восьми редутов, поле окуталось клубами дыма. Пушек у русских оказалось больше сотни против четырех шведских.

Наступающая армия вначале была рассечена выстрелами надвое, а потом ряды атакующих планомерно расстреливали ядрами, бомбами и картечью орудия главного калибра.

Одно из ядер угодило в носилки короля, превратив их в щепу. Карл, слава богу, остался жив. Его телохранители усадили незадачливого монарха на скрещенные копыя и унесли подальше от опасных мест.

Битва была яростной и скоротечной. Шведская кавалерия пустилась в обход, но была встречена русской конницей под командой Меншикова. Он лихо и умело расправился с противником, хотя под ним трижды убивали лошадей, но Данилыч тут же пересаживался на других и продолжал атаку. Не раз ему казалось, что бой близится к концу, и он просил у царя подмоги, чтобы нанести завершающий удар, однако же Петр приказал ему отступить.

Меншиков нехотя подчинился. Остатки вражеской кавалерии и пехота ринулись за ним, сразу угодив под шквальный огонь и наткнувшись на стальную щетину русских штыков. Это был главный резерв армии, которым командовал сам Петр.

— А кто стрелял в русского царя? — словно прочитав мысли собеседника, неожиданно спросил Шпарре.

Гилленкрок, помедлив, ответил:

— Многие, — и сразу пояснил: — Его невозможно было не узнать! Этот гигант на голову выше всех.

Пожилой генерал с сожалением вздохнул:

— И, как ни странно, его даже не ранили!

Он мельком глянул на соседа: вот как хотите, так и понимайте!

От раны, а возможно, и смерти, Петра воистину спасло чудо — одна пуля застряла в шляпе государя, другая угодила ему в седло, третья — попала в стальной офицерский знак, висевший на груди царя.

Шведы надолго замолчали, каждый по-своему переживая захватывающие мгновения минувшего сражения, наверняка самого драматичного и главного в своей жизни.

Все закончилось за два часа. На поле битвы осталось более девяти тысяч убитых шведских солдат. Двадцать четыре тысячи, вместе с королем, гетманом Мазепой и несколькими высшими офицерами, бежали. Русские потеряли в бою трех высших офицеров, тридцать семь штаб- и обер-офицеров и тысяча триста пятьдесят унтер-офицеров и рядовых. Можно сказать, что победа досталась нам малой кровью, и противник знал об этом.

— Аксель! — послышался из спальни призывный голос Карла. — Можно вас?

Его помощники вопросительно переглянулись. Они были тезками, и просьба эта, скорее всего, относилась к Гилленкроку. Адъютант встал и направился в спальню короля. Карл сидел, спустив ноги, на кровати и держал в руках пустой кувшин.

— Аксель, — он искательно улыбнулся, — распорядитесь, пожалуйста, наполнить его. Ужасная жара, пить хочется.

И поза, и голос короля показались адъютанту такими трогательными и виноватыми, что у него защемило в груди и невольно увлажнились глаза. Молча, стараясь скрыть свое волнение от вида мучимого жаждой монарха, он взял порожний сосуд и вышел. Карл с благодарностью посмотрел ему вслед.

В больших и малых аулах Крыма, разбросанных по морскому побережью, начиная от Керчи и до Ахтияра, и даже в иудейском селении Чуфут-Кале, недалеко

от ханской столицы Бахчисарая, все жители поголовно знали, что готовится большой набег за «ясырем». Все сильные и здоровые мужчины ковали лошадей, чинили сбрую, плели арканы, острили сабли, покупали и меняли ружья и пистолеты.

Всюду царило оживление и ожидание важного, долгожданного события. Последний крупный поход за живым товаром случился больше десяти лет назад, а старики помнили, что когда-то они совершались почти ежегодно. И были времена, когда крымские татары вместе с донскими и запорожскими казаками ходили вплоть до московских рубежей.

А полвека назад малороссийский гетман Богдан Хмельницкий, которого татары называли «Хмелем», вместе с мурзой Тугай-беем громил польскую шляхту и брал щедрую дань с самой Речи Посполитой. Тогдашний хан Ислам-Гирей вовсе не оглядывался на турецкого султана и поступал, как ему заблагорассудится. Если ему и его подданным хотелось идти в набег — никто не спрашивал разрешения у Константинополя.

Теперь пришли другие времена. Новый хан Девлет-Гирей во всем слушается османов и шагу ступить не может без одобрения Стамбула. Только простым татарам не терпится оседлать коней, взять в крепкие руки поводья и стремительно пуститься вскачь по степным просторам, зная, что впереди они встретят почти безоружные местечки и села, в которых найдут бесчисленную желанную добычу.

Близ небольшого, но изящного и уютного ханского дворца, стоящего в тенистой, скрытой деревьями и кустарником долине, съехались сотни всадников. Воронье, гнедые, буланые, пегие, соловые, караковые, саврасые, каурые лошади нервно натягивали повод, мелко переступали, трясли челкой и гривой, сердито взбрыкивали. Жеребцы, чуя кобылиц, широко раздували ноздри, а те зорко косили темно-синим глазом и показывали влажные зубы. Остро пахло потом и свежим навозом.

В глухих дворах, в полуверсте от дворца, с хрипом и воем заливались лохматые, в репьях и колючках, собаки. Босоногие татарчата, в рубашках ниже колен, блестя черносморозинными зрачками, изумленно глазели вокруг, не понимая, что случилось, но жадно впитывая каждую черточку и приметку небывалого зрелища. Оно им явно нравилось.

А подле низких, глухих калиток чинно сидели пожилые, уважаемые аксакалы в поношенных бешметах, с окладистыми бородами и в косматых папахах. Опираясь на крепкие, суковатые посохи, они степенно созерцали общую толчею и гомон, изредка перебрасываясь короткими, емкими фразами. Это касалось очевидных достоинств чьей-то лошади, снаряжения всадника или его умения держаться в седле.

— А где царь урусов? — негромко спросил один.

— Далеко на севере воюет, — ответили ему.

— Ясырь большой будет! — убежденно заключил самый старый и повернул голову к соседу: — Помнишь, Махмуд, как мы с Хмелем в Польшу ходили? Обобрали панов дочиста.

Махмуд осклабился шербатым ртом:

— Помню... Я тогда своего гнедого жеребца из золотой чаши поил, а уздечку жемчугами украсил! — он махнул рукой с отрубленными пальцами.

Остальные старики оживленно закивали головами. У каждого в памяти было множество незабываемых и ярких воспоминаний. Их юность пришлась на самые бурные, беспокойные и кровавые времена. Тогда на просторах Малороссии разгорелась отчаянная, упорная, беспощадная битва между украинцами и польскими панами.

Бывший казацкий сотник из городка Чигирина Богдан Хмельницкий, у которого шляхтич Чаплинский отнял отцовский хутор, забрал жену и убил сына, поднял

восстание. Но сил у бунтовщиков явно не хватало, и сотник обратился за помощью к крымским татарам. Хан Ислам-Гирей отправил к нему пять тысяч всадников во главе с мурзой Тугай-беем.

Объединив усилия, Хмельницкий вместе с татарами разбил поляков под Желтыми Водами и Корсунью. Казаки насмерть перепугали Польшу, а татары несказанно обогатились. Потом Хмельницкий нещадно бил шляхту под Пилявой и Збражем, и крымские удалыцы охотно ему помогали. Им казалось, что так будет всегда.

Затем поляки поставили на карту все: собрали большое ополчение, призвали на подмогу литовцев и под селом Берестечком наголову разбили войско Хмельницкого. Однако татары и тут не остались в накладе — Тугай-бей обманом захватил отважного гетмана, намереваясь выгодно продать его победителям.

Но пока шел торг, казаки собрали громадный выкуп и вызволили из плена своего предводителя. Хмельницкий оказался на свободе, собрал в городе Переяславле раду (съезд), и там украинцы дружно решили признать своим властителем русского царя, добровольно войдя в состав России.

— Куда они в набег пойдут? — кивая в сторону толпившихся всадников, деловито спросил одноглазый аксакал, когда-то имевший славу самого удачливого джигита.

— На Москву, — уверенно ответил самый старый, — царя там нет. Он на севере воюет.

— А корабли его под Керчью? — возразил одноглазый.

Старики озадаченно посмотрели друг на друга. Но вдруг общий гвалт внезапно умолк, даже лошади замерли, глухо брякнув удилами. Старики и ребятня вытянули шею.

Из ворот дворца показалась кавалькада всадников. Впереди ехал сам хан Девлет-Гирей, следом за ним — визирь, потом кяхья (его помощник), далее муфтий (верховный священнослужитель), за ним — нурадин (ближайший военачальник), замыкали шествие телохранители и оруженосцы.

Но стоило им всем оказаться вне дворцовой ограды, как тысячные толпы дружно загалдели: «Ля илля лях!» Затащивали и захрапели взнузданные лошади, шархнулись в стороны татарчата.

Старики вскочили, как ошпаренные кипятком, сорвали с бритых голов папахи, потускневшие глаза их по-молодому заблестели, а единственное око одноглазого джигита загорелось завистливым, жгучим огнем. Они тоже самозабвенно закричали: «Да здравствует Аллах!» и замахали косматыми шапками.

Весь Крым радостно провожал своих отчаянных мужчин и парней, решивших безжалостно грабить, жечь, насиловать и обращать в рабов беззащитных, свободных людей.

8

Балтийские крепости, в которых еще оставались шведские гарнизоны, сдавались русским после недолгого сопротивления, а иногда после первых же выстрелов. Отпраздновав годовщину Полтавской победы, Петр отмечал шумными торжествами и памятными медалями взятие Риги, Пернова, Кексгольма, Ревеля (Таллина), острова Эзель. К концу лета 1710 года вся Лифляндия и Эстляндия были целиком освобождены от шведов. Чуму, свирепствовавшую в Риге, удалось унять жесткими карантинами.

— Ихний король Карлус, — смеялся Меншиков, — нынче к себе домой точно не поедет! Все его владения растаяли, как прошлогодний снег!

Петр охотно соглашался с ним:

— Оно, конечно, так, — государь озорно подмигнул, — недаром он сиднем сидит у турок и более никакого конвоя от нас не требует. Некуда ему, бедолаге, возвращаться!

Находившийся вместе с ними канцлер Головкин осторожно заметил:

— Зверь, загнанный в угол, бывает zelo свиреп и беспощаден!

Меншиков тут же возразил:

— Не страшай нас, Гаврило Иваныч! — Данилыч посмотрел в сторону государя, ожидая поддержки: — Воевать-то шведам и вправду нечем. Армия разбита, все крепости с бою взяты. Откуда ему сил набрать?!

— А турки? Они ведь чего-то выжидают, — не отступал канцлер.

Меншиков настроился продолжить спор, но в диалог вмешался Петр:

— Турки, думаю, могут нам крепко подгадить, — он внимательно окинул собеседников, — ведь Карла и покойного Мазепу они ни под каким видом не пожелали нам отдать. Значит, они им самим нужны! А за каким бесом?

— И опять же французы свой нос туда суют, — подсказал Головкин.

Государь поддакнул:

— С французами у нас дело тоже по-доброму не заладилось, — он посмотрел на Меншикова, — помнишь, Данилыч, когда мы Великое посольство затеяли — к французам заглянуть нам недосуг стало!

— Стрельцы тогда бунт крошечный подняли... — находчиво припомнил Данилыч, — надобно было домой поспешать! Какие уж тут французы?!

Царь согласно кивнул головой.

— Так-то оно так... — он сокрушенно вздохнул, — а потом началась великая тяжба с Карлом, и нам опять не до Франции сделалось.

Помощники дружно молчали.

— А Людовик — властитель достойный и zelo памятный. Он кругом свой интерес блюдет и политику, не в пример другим, ведет весьма замысловатую. Ее не вдруг раскусишь!.. — в голосе Петра, кроме уважения к особе «короля-солнце», прозвучало сожаление. Ему, за недостатком времени и сил, так и не удалось познакомиться поближе с венценосным властителем.

Он понимал, что престарелый и многоопытный монарх, словно Зевс на вершине Олимпа, дергает за веревочки то турок, то австрийцев и англичан, и те, сами того не ведая, ожесточенно воюют или мирятся, поступая по воле свыше. А помощники Петра прекрасно знали давнее мнение государя, что «русскому нужен голландец на море, немец на суше, а француз совсем ни к чему».

Но вот настали иные времена, когда Франция оказалась куда важнее всех других, а необходимого подхода к ней, увы, нет. Желая смягчить досаду и неудовольствие царя, Головкин деликатно напомнил:

— В Париже наместник список европейских государей вышел, — он мельком взглянул на Петра, — и там, между прочим, имени Российского самодержца нет.

После этих слов в петербургском доме царя повисла зловещая тишина. Меншиков придержал дыхание, ожидая неминуемой вспышки гнева своего повелителя, а бедный канцлер уже нещадно корил себя за слова, сказанные некстати, и со страхом ждал того же.

Однако государь молчал. Сурово и угрюмо. Сколько бы продлилось это тягостное безмолвие — неизвестно, но осторожно открылась входная дверь, и вместе с бойкой стайкой комаров внутрь втиснулась небольшая круглая фигура в пышном парике.

— Вы позволите, Петр Алексеич?

Это появился вице-канцлер Петр Павлович Шафиров. Сколь ни был он возбужден и взволнован, но, заметив тревожное, угрожающее молчание царя и его присных, смиренно застыл у порога.

Петр пересилил себя:

— Говори. Я слушаю.

— Беда, государь, — убито доложил вице-канцлер, — татары...

— Пошли на Азов?! — перебил его Меншиков.

Шафиров тряхнул густым париком:

— Нет. На Малороссию. И мазепины казаки с непокорными поляками туда же наладились. Вместе с крымскими разбойниками в набег пошли.

У Петра задергалось лицо и затряслась голова. Желая преодолеть приступ ярости и негодования, он быстро и нервно зашагал по комнате. Под его тяжелыми шагами застонали половицы. Помощники тревожными взглядами провожали громадную, сутуловатую фигуру царя, боясь, что на каждого из них может обрушиться испепеляющий монарший гнев.

— Толстой тебе про это отписал? — прозвучал глухой вопрос.

— Нет, государь, бессарабский господарь Кантемир, — незамедлительно ответил вице-канцлер, — Толстого турки насмерть обложили, шагу ступить ему не дают.

Петр сердито выругался. Головкин и Меншиков быстро переглянулись. Они поняли, что самый опасный градус государственной ярости значительно сник и можно вступить с ним в переговоры.

— Петр Алексеич, — решительно предложил Данилыч, — поелику шведы разбиты напрочь — можно войска на юг передвинуть и дать татарам как следует! Чтобы впредь знали! Доколе они смеют свои пакости творить?!

Царь остановился и взыскательно взглянул на своих сподвижников.

— Как думаешь, Гаврило Иваныч, — спросил он у Головкина, — татары по своей воле дерзнули, или турки их подначивают?

Канцлер осторожно улыбнулся:

— Я полагаю, Петр Алексеич, что и без французов тут дело не обошлось.

— А Карлус? — настаивал государь.

Головкин и Шафиров, не сговариваясь, подтвердили:

— И он с ними заодно! Без него тут никак!

Петр вновь упорно заходил по комнате, словно пытаюсь найти нужный выход из невольного лабиринта.

Деятельный Меншиков не отступал:

— Сколько татар в набег-то ушло? Сие кому-нибудь известно?

— Тысяч тридцать... — Шафиров сокрушенно вздохнул, — грабят, жгут, баб и девок насилуют, пленных вяжут. До Желтых Вод басурмане дошли.

В разговор вклинился сам царь:

— Наш гарнизон стоит в Белой Церкви, но он весьма невелик, — Петр остановился возле Головкина, — отправляй, Гаврило Иваныч, гонца к Михайле Голицыну — пушай на подмогу поспешает. Он с татарами воевать горазд! — тут ему на лоб опустился комар, царь с маху прищлепнул его и усмехнулся. — Вот кабы всех врагов эдак!..

Помощники согласно закивали головами, а Меншиков резонно заключил:

— Ну, хоша бы одного Карла! Раз — и нет его!

Государь согнал с лица случайную улыбку и сокрушенно изрек:

— Разворошили мы с вами, други любезные, не одно осиное гнездо! И шведы, и поляки, и австрийцы, и турки с французами на нас жала точат, — он качнул головой, — не ведаешь, в какое место куснут!

— Мы, как тот медведь, — простодушно подхватил Головкин, — напал он на добрый улей, а пчел оказалось видимо-невидимо. И ну жалить зверюгу!

Сравнение оказалось более точным, однако не слишком удачным. Царь помрачнел еще заметней, настойчиво обратясь к Шафирову:

— А ты, Петр Павлович, пиши депешу султану турецкому: государь, мол, российский zelo возмущен самоуправством крымского хана и настоятельно требует, чтобы его разом уняли и наказали по всей строгости! Неужто он забыл, что мир между нами на тридцать лет заключен?! Попеняй ему покрепче! Дело того стоит. Не хватало нам еще этакой напасти!

Верные сподвижники государя осторожно давили и отгоняли назойливых насекомых, втайне подумывая о том, что на смену давней шведской угрозе неотвратимо грядет турецкая.

9

Король-солнце, утомившись от чрезмерной пышности своих дворцов, фонтанов, садов, аллей, украшенных томными античными скульптурами, на неопределенное время переселился в свой любимый Трианон — небольшой одноэтажный дом на задворках Версаля...

Перед его неброским, незатейливым фасадом размещались скромные клумбы из полевых цветов, рукотворные водоемы, похожие на тихие деревенские пруды, изящные мраморные группы, изображавшие амуров и фей. А на заднем плане величаво простирался обширный парк, искусно декорированный под густой, непроходимый лес.

Купы раскидистых деревьев картинно обрамляли крохотные, тенистые поляны, невысокие холмики аккуратно возвышались над чистыми лужками со свежескошенной травой. Таинственные, тихие гроты манили глубиной и загадочностью. Кристально чистые ручьи навевали прохладу и свежесть.

Кое-где мирно паслись белоснежные овцы, козы и коровы. Не хватало только козлоногого Пана, самозабвенно играющего на пастушьей свирели и полунагих нимф, жадно внимающих ему.

Сам Людовик в обществе бывшего посла Ферриоля и маркиза Дезальера, прибывшего из Стамбула, сидел в небольшой ажурной беседке и пил кофе. Монарх был настроен весьма миролюбиво — он отдыхал от каждодневных государственных забот и трудов. Его значительное, властное лицо было искусно припудрено, густые брови выкрашены басмой чернее воронова крыла. Голову монарха покрывала бархатная турецкая феска. Одет его величество был с тщательно продуманной небрежностью...

— Турки пьют кофе покрепче, — осторожно заметил маркиз.

Ферриоль бросил быстрый взгляд на короля, пытаясь уловить возможный ответ, но Людовик лучезарно улыбнулся и заметил:

— Между прочим, господа, пить и варить кофе нас научил Солиман-ага...

— Это первый турецкий посол, ваше величество? — подсказал Ферриоль.

Король сделал крошечный глоток из прелестной чашечки тонкого китайского фарфора, откинулся на спинку кресла, похожего на трон, и стал рассказывать о том, как грузный, важный турок, которого при дворе вначале встретили насмешками и неприязнью, терпеливо учил французов мудреным восточным обычаям и замысловатому, прихотливому этикету. Весь рассказ изобиловал курьезными примерами и неподдельным остроумием.

— Месье Поклен сумел над ним от души посмеяться! — щегольнул своей осведомленностью Ферриоль.

Король любезно с ним согласился, хотя пресловутый Поклен (известный всему миру под именем Мольера) многое писал под его диктовку, вводя в свои знаменитые комедии мимические и балетные сцены, где блистал сам Людовик.

Обладая высоким ростом и прекрасной фигурой, французский монарх охотно участвовал в подобных спектаклях.

Туркам отводилась в них комическая, шутовская роль, иногда превращая действие в полную бессмыслицу, к удовольствию и восторгу себялюбивых парижан. Но все это происходило в далеком прошлом.

Уже давно не было на свете сына королевского обойщика Жана-Батиста Поклена, не было Солимана-аги, султана Мехмеда IV, направившего своего верного подданного послом в Париж. А совсем недавно ушла из жизни очаровательная герцогиня Франсуаза Лавальер, самая искренняя и преданная любовница короля. Только он один все еще оставался на вершине славы и могущества, в недостижимом и гордом одиночестве.

— Как себя чувствует султан Ахмед? — отвлекшись от невеселых мыслей, мимолетом нахлынувших на него, полюбопытствовал монарх.

— Он разорвал мир с московитами, ваше величество, и отправил в поход крымского хана, — без промедления ответил Дезальер.

— А что подельывает Карл? — Людовик снисходительно улыбнулся.

Великий монарх давно отвык глубоко вдаваться в разные малозначащие подробности. Далекий полуостров Крым как географическое понятие не существовал для него вообще, а его правитель казался ему гораздо меньше пешки на шахматной доске.

— Шведский король впал в дикую меланхолию, — Дезальер тоже улыбнулся, — московиты взяли штурмом все города на балтийском побережье, и Карл совсем упал духом.

— Мальчишка! — Людовик презрительно скривил рот. — Он когда-то пытался связаться в наш спор за испанское наследство. Самонадеянный потомок диких викингов!

— Теперь ему, ваше величество, точно не до того! — подхватил Ферриоль. — Он воюет с русскими уже больше десяти лет! И, увы, не слишком удачно.

Король пожал плечами:

— Ничего удивительного, господа. Мы когда-то воевали с англичанами целых сто лет! Посмотрим, чем все это закончится, — он скупно улыбнулся. По всей видимости, престарелый монарх вовсе не собирался оставлять этот свет.

Придворные умолкли. Неожиданное замечание царственного собеседника привело их в легкое замешательство. Ведь неотступная тяжба за «испанское наследство» продолжалась не один год, становясь все более ожесточенной. Испанский король Карл II, женатый на сестре австрийского императора Леопольда I, будучи бездетным, уже умер. А французский властитель — его шурин — не желал уступить трон свояку. Между Францией и Австро-Венгрией начались военные действия. Пока они шли не в пользу «короля-солнце».

Людовик внимательно окинул обоих собеседников и спросил с заметным интересом:

— А этот царь московитов. Как его зовут? Пьер?

— Пьер, ваше величество, — подтвердил маркиз.

Король собрался с мыслями:

— Он, помнится, уже воевал с турками?

— Да, ваше величество, — с готовностью подхватил Ферриоль, — воевал в конце прошлого века. И с трудом одержал верх!

Людовик озадаченно покачал головой:

— Кстати, шведская армия много сильнее турецкой и тем не менее, — он укоризненно взглянул на собеседников, — этот Пьер — малый не промах!..

Ферриоль снисходительно усмехнулся:

— Московиты, ваше величество, заманили шведов на свою территорию, лишили их фуража и продовольствия, дождались своей лютой зимы, — бывший посол выдержал эффектную паузу, — а весной, вернее — летом, безжалостно добились!

— Но позвольте, господа, — возразил король, — теперь они разбили шведов на их же земле! И в летнюю пору. Разве не так?

Ферриоль вздохнул:

— Это верно, ваше величество. Все так. Очевидно, шведы были нынче окончательно деморализованы. Ничем другим это объяснить невозможно!

Тихий, ласковый вечер опускался над Версалем. Небольшой, уютный Трианон виделся самым прибежищем мира и покоя. Густые кроны деревьев, мягко подсвеченные лучами уходящего солнца, укромные лесные поляны, сокрытые глубокими тенями, таинственные, почти сказочные гроты и луга с изумрудной травой и сытыми, холеными животными походили на декорацию. Или на один из тех грандиозных, красочных гобеленов, столь любимых французским монархом. Казалось, ему подвластно все: и люди, и природа.

— Турки — наши друзья, — спокойно и с легкой иронией произнес король, — сколько бы ни воевали шведы с московитами — все должно остаться по-старому. Османь, как и прежде, пусть стерегут выход в Средиземное море, а Франция безраздельно правит миром! — Людовик скупой улыбнулся.

Бывший и нынешний посол не возражали, поскольку иной перспективы для себя и других не видели.

10

Неказистые, низкие украинские хаты горели жарко и невероятно быстро. Стоило поднести смоляной факел к толстой соломенной крыше, как жадные языки пламени тут же перебрасывались на сухую кровлю, бежали узкими, стремительными полосками на самый верх ее, и вдруг все занималось огромным, устрашающим сполохом. Трещи и разбрасывая искры. Как будто разом вспыхивал неистовый, всепожирающий костер.

Татарские всадники едва успевали отскочить в сторону, и все равно брови, ресницы, усы и бороды у большинства злодеев прихватывало палом, а от самих поджигателей несло жженой шерстью.

С объятой пламенем крыши огонь живо сбегал вниз, на обмазанные глиной стены, которые изнутри оказывались обычными плетнями, и те всюду поддавали жару.

Тогда распахивались хлипкие двери — из охваченных пламенем жилищ с криком, визгом и воем вылетали бабы, мужики, старики, дети.

Вот тут расчетливые крымцы начинали действовать проворно и умело: в беспорядочно бегущей толпе они зорко примечали молодых крепких парней и девок, нагайками отделяли их от остальных и сгоняли в одно место, словно овец в общее стадо.

Набрасывая арканы, щелкая плетью, гортанно и зло покрикивая, они пригнали плачущих людей на околицу села и плотным кольцом окружили добычу. Старики и малые дети в беспорядке бежали в степь — их никто не преследовал.

Разгоряченные погоней и схваткой татары нервно прищипывали коней, ерзали в седлах, бросая друг на друга короткие, оценивающие взгляды, будто желая убедиться, что каждый вел себя отчаянно и ловко. Ни родне, ни землякам краснеть за него не придется.

Несчастные пленники плотно жались один к другому, невольно ища защиты у соседа. Но странное дело — парни теснились к парням, девки к девкам. Несмотря на свое жалкое, беззащитное состояние, когда всякий знал и помнил с раннего детства, что татары не пощадят и сотворят с невольником все, что им захочется, никто и не надеялся на сильный пол.

И глупо было бы думать, что безоружные, полуодетые, истлестанные плетью хлопцы смогут постоять за рыдающих девчат. Их поработители своим дерзким, стремительным налетом, огнем, саблями и нагайками выбили из любого парня последние крохи мужества, самопожертвования и отваги. Осталось только надеяться, что свирепые мучители подарят тебе жизнь. И пройдет она в низком, позорном рабстве, но жить ведь так хочется!

Безжалостные, суровые всадники старательно осматривали живой товар — ладных, статных девок набралось до полусотни. Многие даже не успели надеть юбок и стояли только в одних сорочках, с распущенными волосами и босиком.

— Смотри, какие гурии! — заросший почти до глаз бородой татарин толкнул локтем своего молодого соплеменника, впервые участвовавшего в набеге. — И шальвар с них снимать не надо! Задрал рубаху — и она твоя!

Сидевшие рядом наездники понимающе осклабились, а у молодого крымца жадно загорелись глаза. Он только об этом и мечтал, и ради этого отправился на разбой, хотя был уверен, что действует во имя и по воле Аллаха.

А за спинами крымских удальцов догорали бедные жилища разоренного дотла местечка. От белых, чистых, ухоженных хат с пышными соломенными крышами, похожими на залихватские шляпы, остались лишь груды пепла и черные растрескавшиеся печи.

Дерзкие мучители и не надеялись заполучить здесь богатый куш: ни золота, ни серебра, ни жемчуга не могло быть в тесных сундуках у бедных, несчастных людей. Единственное сокровище — эти крепкие, выносливые, неприхотливые парни и девки, которых на тугих арканах придется вести за собой в Крым. А там, с благословения Аллаха, посадить на невольничьи корабли и отправить в Турцию, а после выгодно продать.

— Вяжите их! Ловчей и крепче! — раздался зычный голос мурзы.

Часть всадников проворно спешили, и молодой татарин вместе с ними. Держа в руках арканы из конского волоса, они приблизились к сбившимся в кучу, на смерть перепуганным хлопцам и девчатам, почти смирившимся со своей злосчастной долей и готовым ко всему. Пожилые татары знали, что громкая слава о лихих набегах крымцев бытует не одно столетие, и эти юные пленники с молоком матери всосали все страхи и слухи, гулявшие окрест.

Поэтому они нахраписто и уверенно подошли к желанной добыче и стали умело связывать живой товар. Абдул — так звали молодого удальца — еще издали присмотрел себе юную кареглазую полонянку в одной рубахе, едва скрывавшей стройное, гибкое тело. Трясущимися, непослушными руками он ухватил ее тонкие, нежные запястья и осторожно накиннул на них петлю аркана.

Бородатый татарин, вязавший рядом с ним упитанную, круглую деваху, сердито ощерился и прохрипел:

— Вяжи крепче — не то сбежит!

Услышав окрик, Абдул потуже затянул петлю — девушка болезненно вскрикнула. Бородатый ободрающе кивнул и повлек свою добычу к стоявшей неподалеку лошади. Сдобная хохлушка, еще не успев примириться со своей судьбой, но боясь рассердить сурового похитителя, покорно шла следом, приминая босыми ногами траву.

Бородатый ловко приторочил аркан к седлу, с усилием подергал его — пленница, выставив сплетенные запястья, как кукла мотнулась взад и вперед. Хозяин

удовлетворенно крякнул, осмотрел подруги и оседлал коня. Абдул исподлобья, воровато оглянулся по сторонам: его соплеменники деловито распределяли «ясырь».

Кто-то отбирал себе крепких парней, кто-то осматривал девок, даже задирали им подолы. Те испуганно визжали, неловко приседая, а мучители весело и довольно смеялись. Абдул проворно ослабил узел, и пленница, как ему показалось, бросила своему похитителю благодарный взгляд.

Шум и гам на околице села заметно приутихли — добыча была разделена, налетчики готовились к отходу. Они привычно усаживались в седла, а несчастные пленники должны были покорно тащиться за ними вдогонку по бескрайней степи — в жару, зной и ненастье.

Абдул решительно и в то же время осторожно повел за собой полонянку. И вдруг где-то за спиной раздался дикий, срывающийся вопль:

— Москали!

Татары всполошились. Кто крикнул — свои, чужие — разбирать было недосуг. Вдали поднялись облака желтой пыли, и сквозь них прорезались черные папахи казаков и высокие кивера конногвардейцев, в воздухе беспорядочно замелькали узкие, слепящие полоски сабель и палашей. На помощь малороссам летели полки князя Голицына.

Крымцы в спешке перерубали и отвязывали арканы, освобождаясь от живого товара. Кое-кто в ярости стеганул свою добычу плетью, другой ударил саблей. Абдул, не колеблясь, втащил свою пленницу на седло и ожег нагайкой жеребца. Тот, кнув селезенкой, рванул с места в карьер.

А сзади накатывал стремительной, неукротимой волной конский топот и устрашающий, оглушительный рев. Татары, неистово хлеща лошадей, бросились врассыпную.

11

В Бендеры, к изнывавшему от безделья и скуки королю, прискакали агент Понятовский и самозванный гетман Орлик. Усталые, загоревшие под жгучим августовским солнцем и обдутые шальными степными ветрами, стуча сапогами и бряцая саблями, они неспешно поднялись в монаршие покои, где их встретили Шпарре и Гилленкрок.

Вошедшие чинно поздоровались, и шведские генералы предложили им стулья. Гости уселись, а хозяева с нескрываемым любопытством уставились на осведомителей, ожидая важных сообщений. Поляк и украинец, поймав на себе эти взыскующие взгляды, тревожно переглянулись, и гетман, как лицо менее значительное, негромко выпалил:

— Московиты разбили татар! Мы едва ускользнули.

Шведы оторопели.

— Как?! Где?! — воскликнул Шпарре.

Тут в разговор вступил Понятовский:

— Крымцы, во главе с ханом Девлет-Гиреем отправились в Правобережную Украину. Там они разделились, часть пошла на Изюм, другая на Белую Церковь.

Шведы, мало знакомые с местной географией, сразу озадачились.

— Подождите, — перебил поляка Гилленкрок, — где мы воевали с Петром? Под Полтавой? Это там?

— Полтава находится в Левобережной Украине, — терпеливо пояснил Орлик, — по левому берегу Днепра.

Шпарре с недоумением взглянул на него:

— А почему татары пошли на правый берег? Ведь русские, насколько нам известно, остались на левобережье! Разве не так?

Поляк и украинец заметно смутились. Они оба понимали, что шведские генералы продолжают упорно думать, будто сами османы с их пособниками татарами готовы храбро воевать против Москвы.

— Татары отправились за «ясырем», — неловко признался гетман.

Шведы насторожились.

— За каким «ясырем»? — переспросил Гилленкрот. — Это что за трофей?!

Агент Понятовский с извинительной улыбкой, в осторожных выражениях терпеливо объяснил непонятливым господам генералам, как бесшабашные и алчные крымцы, дождавшись удобного случая, отправляются в лихой набег за живым, беззащитным товаром. Подло, стремительно нападают и сжигают городки и села, накрепко связывают несчастных людей и ведут их за собой в рабство, чтобы выгодно продать на невольничьих рынках.

— А зачем они жгут дома? — недоумевал королевский адъютант. — Разве нельзя попросту обыскать их и найти все, что им нужно?

Орлик ответил с видом знатока:

— Это займет слишком много времени, — он сделал короткую паузу, — и потом — кто-то всегда сумеет спрятаться. А искать его особо некогда.

Шпарре криво усмехнулся:

— Этим негодьям не откажешь в сообразительности! Когда полыхает все вокруг — поневоле выбежишь вон! Тут не до хитростей.

В комнате воцарилось молчание. Собравшиеся, будучи военными людьми, много-много раз нюхавшие порох, пережившие и перевидавшие не одну кровопролитную битву и не однажды бывшие на волосок от смерти, вдруг почувствовали несчастным жертвам.

— Они везут их на телегах или дают им лошадей? — уточнил Гилленкрот.

Орлик качнул головой:

— Нет, ваше превосходительство. Татары накрепко связывают добыче руки, приторачивают аркан к седлу, и пленник покорно идет следом.

— Но почему? — настаивал адъютант. — А вдруг человек устал или занемог? Разве такое не бывает?

Понятовский снисходительно пояснил:

— Их это ничуть не волнует, — он перевел взгляд на обоих генералов, — причина здесь кроется в другом: опасаясь встречного рейда противника или неожиданного преследования, они...

— Хитрые татары перерубают веревки, — догадался Шпарре, — и удирают во все лопатки, спасая собственную шкуру!

— Именно так, господин генерал! — засмеялся самозванный гетман.

А шведы озадаченно покачали головами.

— Злодеи! Варвары! — убежденно заключил Гилленкрот. — Их занимает только легкая добыча! Разве это солдаты?!

Собеседники обескураженно умолкли. Шведам невольно подумалось, что союз с такими помощниками не сулит им ничего утешительного и прочного, а поляк с украинцем, догадавшись об этом, виновато потупились.

За дверью послышались твердые шаги, и в комнату вошел сам шведский монарх. Собравшиеся проворно поднялись с мест. Карл небрежно махнул рукой:

— Сидите, господа.

Вид у него был крайне неряшливый и удрученный. Теперь виноватыми почувствовали себя шведские генералы. Король опустил на свободный стул и вновь настоятельно потребовал:

— Господа, садитесь!

Хозяева и гости осторожно заняли свои места.

Карл мельком окинул прищельцев и перевел взгляд на подчиненных:

— Ваши соображения, господа генералы?

— Ваше величество, — негромко отозвался Шпарре, — московиты...

— Разбили татар? — подхватил король. — Я это слышал, — он обернулся к Понятовскому: — Сколько татар пошло в поход?

— Тридцать тысяч, ваше величество, — доложил поляк, — пять из них русские положили. Остальным едва удалось улизнуть к себе в Крым.

— Русскими командовал сам царь Петр? — настойчиво осведомился Карл.

Вместо поляка ответил Орлик:

— Царь находится на севере. Москалями командовал князь Голицын.

Король недовольно поморщился. Этот генерал Голицын два года назад в Беларуси напал на аръегард из лучших шведских пехотинцев. Погибло почти три тысячи стойких, преданных солдат. Карл тогда буквально рвал на себе волосы.

Воспоминание было не из приятных. Это поняли не только генералы, но и невольные свидетели. Король хмуро взглянул на них:

— А что ваши хваленые поляки и казаки? Помогли они татарам?

Понятовский и гетман Орлик настороженно посмотрели друг на друга, помолчали, и польский агент горестно вздохнул:

— Не успели, ваше величество. Московиты нас опередили.

Шведский монарх, иронично пожав плечами, обратился к своим помощникам:

— И что вы на это скажете, господа генералы? — но не успели те ответить, насмешливо прибавил: — Признаюсь откровенно — от таких союзников толку никакого! Они не хотят воевать всерьез! Все их жалкие вылазки нацелены на одно — захватить как можно больше добычи и тут же ловко удрать, даже покрыв себя несмываемым позором! — король презрительно сплюнул и растер плевков ногой.

Его сподвижники и добровольные пособники растерянно молчали. После разгромных, победных операций, проведенных русской армией в Прибалтике и неудачного, бесславного рейда татарской конницы, никто уже не верил в чудо. А именно оно и должно было спасти незадачливых врагов России. Может, им следовало набраться терпения? Кто знает...

12

Жара и духота в Стамбуле понемногу улеглись, и бедный Петр Андреевич смог вздохнуть чуть свободнее. Свободнее не в смысле передвижения, а возможности дышать, не обливаясь потом. Касаемо же всего остального, то это обстояло как раз наоборот. Янычары, зорко охранявшие русского посла, и командовавший ими чюрбачей день ото дня становились все придиричвей и злее.

Толстой не мог ступить и шагу из места своего заключения. Не помогали ни деньги, ни подарки. И, говоря по правде, на щедрые подношения Петр Андреевич не мог отважиться — ему самому приходилось с трудом сводить концы с концами. Даже верный слуга Фока и тот смотрел на своего хозяина с плохо скрываемой жалостью и недоумением.

— Не шибко любит тебя твой царь, господин Петр, — вздыхал молодой грек, — мало платит тебе за службу! Совсем как простому водоносу!

Пожилой посол, признавая справедливость сказанных слов, все-таки пытался найти им оправдание.

— Россия воюет со шведами десять лет, — негромко ответил он, — а тут еще эти чертovy турки! Война сжирает все деньги. Солдатам на провиант не всегда хватает.

Фока, весьма своеобразно воспринимавший род занятий своего хозяина, считавший его кем-то вроде тайного лазутчика во вражеском стане, но, слывя истинным византийцем, а значит, охотно признавая чужую хитрость, изворотливость и притворство, тем не менее был горячим патриотом своего отечества. Хотя не понимал, что это такое. И не любил турок всем своим нутром.

— Я буду служить тебе без денег! — просто признался он.

Толстой растрогался. Услышать такое даже и для русского человека было не слишком привычно. Подобным образом поступали только кабальные холопы, задолжавшие кругом и всюду и принявшие добровольное рабство с тем, чтобы их господин распоряжался ими по своему произволу.

— Спасибо, дорогой! — от всего сердца воскликнул старый царедворец, когда-то несший нелегкую службу то при дворе покойного царя Алексея, то его сына Федора, то властной царевны Софьи.

Теперь, будучи полномочным послом Петра, он только лишь в самые редчайшие, нелегкие минуты мог признаться самому себе, что служит России. Пожалуй, лишь беззаветная преданность простого греческого парня невольно наводила его на эти мысли.

— Послушай, Фока, — доверительно сказал он слуге, — нужно найти...

— Спилиота? — с готовностью отозвался тот.

— Нет... — Толстой помедлил, — отправляйся в церковь Святого Павла и дождись там Луку Барку. Нынче среда, он должен прийти туда.

И разьяснив бойкому малому, где и как необходимо встретить сербского агента, Петр Андреевич широко перекрестил его и проводил до порога. Фока ушел, а старик улегся на скрипучую кровать и стал ворошить прошлое.

За границу он отправился в довольно зрелом возрасте, когда многие его ровесники уже перешли в мир иной, а Петр Андреевич благополучно стал дедом. По указу царя Петра дети дворян — молодые люди, называемые «недорослями» — были отправлены учиться за границу. И Петр Андреевич, к удивлению и горести близких, напросился вместе с ними.

Государь пошел ему навстречу. Он, конечно же, былые прегрешения давнего недруга не забыл, но что-то в личности Толстого его, вероятно, привлекало. Отмечая его ум, наблюдательность и смелость, Петр наверняка предполагал, что этот человек может ему пригодиться. А нужными людьми царь не привык разбрасываться. Россия не страдала их переизбытком.

Но, отважившись вместе с незрелыми юнцами отправиться в далекие, неведомые края, великовозрастный «ученик» поначалу ударился в панику и смятение. Дорога была ужасной. Не в смысле рытвин и ухабов, а в тягостном ожидании разбойничьих налетов.

Охрана была никудышной, и попутчики Петра Андреевича не отличались мужеством и силой. Эти недоросли даже не умели толком держать в руках оружие! В конце марта 1697 года, с грехом пополам достигнув границ отечества, он на пароме переплыл Днепр и очутился во владениях польского короля.

Настала весенняя распутица, а польские «шляхи» слыли ничуть не глаже российских, и отважные путешественники презрительно намяли себе бока. Только в границах Австрийской державы (именовавшейся Священной Римской империей германской нации) Толстой и его спутники с явным облегчением и радостью почувствовали, что оказались-таки в Европе!

Столица страны — знаменитая Вена — произвела на пожилого россиянина незаданное впечатление. Его необычайно удивило отсутствие в городе деревянных строений, чистота мощенных камнем улиц, множество дорогих, роскошных карет, обилие храмов и монастырей. Пренебрегая православными запретами, он тайком посетил католический храм и поразился слаженному, многоголосному хору и большому оркестру, сопровождавшему мессу.

У высокого, внушительного здания городской ратуши Петр Андреевич долго созерцал беломраморную статую богини Фемиды, глаза которой были скрыты повязкой, а в руке она держала весы. Это его настолько озадачило, что он не постеснялся расспросить прохожих — как сие понимать?

Нашелся один поляк, с грехом пополам разъяснивший любознательному «москалю», что стоит он перед статуей богини правосудия. А глаза у ней завязаны для того, чтобы судить она могла, не взирая на лица. Толстого это несказанно потрясло, и он не преминул отметить свои впечатления в дневнике.

Из Вены наш герой отправился в Италию, поскольку именно там он должен был пройти «морскую науку». И записал в дневнике: «Ехал я от Вены до итальянской границы двенадцать дней, где видел много смертных страхов и терпел нужду и труды от прискорбной дороги».

Посочувствуем бедному старику: он первым из русских, за столетие до прославленного итальянского похода генералиссимуса Суворова, преодолел Альпы!

Честно признаваясь, что «не столько я через те горы ехал, сколько шел пеш, и всегда имел страх смертный перед очами». А ведь ему было пятьдесят два года, и долгая пешая прогулка по ужасающим горным тропам, через головокружительные перевалы, мрачные ущелья и шаткие мосты, наподобие «Чертова», могла быть по силам лишь молодому, легконогому горцу!..

Но, как бы то ни было, Петр Андреевич превозмог волнения и страх, оказавшись наконец в благословенной Италии. Воспетая великими поэтами и художниками дивная страна потрясла воображение пожилого «московита». Спустившись с суровых альпийских вершин в неподражаемую Венецию, Петр Андреевич подумал, что попал в сказку.

Он не может верить своим глазам — вместо привычных улиц весь город пронизывали излучины бесчисленных каналов, а через них были перекинуты арки вычурных, ажурных мостов. По тихой водной глади, там и сям, проплывали легкие, изящные, с обоюдозагнутыми носом и кормой лодки, называемые «гондолами», в которых сидели господа и дамы в великолепных, богато изукрашенных нарядах.

Гребцы, по-тамошнему — гондольеры, — одетые в щеголеватые камзолы и бархатные береты, стояли в полный рост, умело направляя необыкновенные посудины туда, куда требовали седоки. И не было слышно брани и попреков, над мирными, укрощенными водотоками призывно разливались вкрадчивые переборы лютни и улаждающее слух пение.

Когда иссяк первый, ошеломляющий приступ изумления, Петр Андреевич дотошно и обстоятельно присмотрелся к укладу и обычаям чужеземной жизни. Его несказанно поразила свобода и простота местных нравов.

Несмотря на красоту и величие дворцов, пышность одежд, изящество манер, молодые венецианки вели себя отнюдь не благопристойно. Толстой писал в дневнике: «Когда сойдутся в маскарах (масках) к собору Св. Марка, тогда многие девицы берут за руки иноземцев и гуляют с ними и забавляются без стыда».

Так он описывал знаменитые венецианские карнавалы, проходящие на площади Святого Марка. Воспитанному в строгих, стеснительных правилах россиянину

подобные вольности представлялись верхом разнузданности. В душе он их, безусловно, порицал, но вслух свои суждения не высказывал.

Кроме удивительной Венеции, будущий посол побывал в Бари, Неаполе, Риме, Флоренции, Болонье, Милане, на Сицилии и Мальте. И везде его поражали невиданные им ранее диковины и редкости: бесчисленные каналы, мощенные камнем улицы, ночные фонари, тенистые парки с обилием невиданных, экзотических цветов — все это было крайне необычно для русского человека.

А в «вечном» Риме Петра Андреевича потрясли многочисленные фонтаны. Он даже не находил слов, чтобы запечатлеть увиденное: «А какими узорочными (!) фигурами те фонтаны поделаны — их никто подлинно описать не может».

Его, как ребенка, восхитил фонтан с музыкальным устройством: «Человек (разумеется — статуя) держит в руке великий рог, идет через рог вода, и он трубит, как при псовой охоте!» А рядом текущая вода приводила в действие музыкальные флейты в руках у десятков изящнейших нагих девиц (очевидно — нимф), и те нежно звучали.

Побродив по вечному городу, налюбовавшись на сказочные фонтаны, грандиозный собор Св. Петра, живописные развалины Колизея, усталый путник возвращался в гостиницу, где ему подавали добрый ужин с вином и фруктами. А потом его ждала чистая постель, что было также непривычно для пожилого москвича.

Он не преминул отметить в дневнике: «Постели перестилают во все дни, а простыни белые стелют». Видимо, для русского человека это было непостижимо. Удивительным казалось и то, что всюду продавалось в изобилии отличное вино, и люди взапуски раскупали его, а пьяных видно не было...

Почти два года пробыл в Италии Петр Андреевич, получив из рук венецианского дожа полный аттестат моряка. Освоив нелегкую профессию, он, между делом, настолько свыкся и полюбил итальянский язык, что даже осмелился перевести на свой родной «Метаморфозы» Овидия!

Освежив все это в памяти, старый посол тяжело вздохнул. Нынешнее житье, точнее — не житье, а прозябание в шумном, тесном, грязноватом Константинополе, разумеется, не шло ни в какое сравнение с годами жизни на итальяском побережье! Там он чувствовал себя уважаемым, свободным человеком, здесь он был жалким, бесправным узником.

За дверью послышались шаги. Толстой насторожился. И через минуту понял: это вернулся Фока. Петр Андреевич приподнялся на кровати:

— Ну, что? Ты видел Луку?

Пронырливый грек с таинственным видом приблизился к хозяину, извлекая из складок необъятных шальвар туго скрученный листок бумаги. Старый посол старательно развернул его и поднес к окну. В свете уходящего дня с трудом различил наспех нацарапанные строки. Сербский агент извещал своего русского друга, что султан и его окружение определенно решили начать войну с Россией. Миру, заключенному на тридцатилетний срок, пришел конец!

Толстой едва удержался, чтобы крепко не выругаться, но шум за окном отвлек его. Выглянув в тесный двор (и Фока тоже туда нацелился), они оба заметили внизу подозрительную возню. Дежурная стража во главе с самим чюрбачеем разбирала оружие, зорко глядя на жилище посла.

— Передай это Спивиоту! — шепотом произнес Толстой, протянув слуге послание.

Юный грек мгновенно спрятал записку, как будто ее вовсе не было в природе. На лестнице раздался тяжелый топот множества ног, звон оружия и сдержанный гортанный говор. Петр Андреевич приготовился к самому худшему.

Аннушке, послушной племяннице государя, исполнилось семнадцать лет, и Петр решил, что пора ее выдать замуж. У него давно зрела мысль, что пришла пора русскому царствующему дому породниться с королевскими домами Европы — пусть знают наших!

У покойного брата Ивана, когда-то вместе с ним разделявшего трон, было пять дочерей. Две из них умерли во младенчестве, в живых осталось три: старшая — Екатерина, средняя — Анна и младшая — Прасковья. Самой покладистой и сговорчивой была средняя. Ее-то и задумал самовластный дядя первой отдать в чужие руки.

После Полтавской победы, встретившись со своим невольным союзником прусским королем, Петр решил пристроить Анну за племянника короля, курляндского герцога Фридриха-Вильгельма. Властитель Пруссии и молодой герцог не слишком обрадовались будущему семейному союзу, особенно жених. Брать в законные супруги дочь дикой Московии казалось ему не самым удачным предприятием.

Но после сокрушительного поражения шведской армии русского царя боялись все вокруг, и герцог, скрепя сердце, согласился. Будущая же невеста испытывала двойственное чувство: с одной стороны, ей хотелось поскорее избавиться от деспотического влияния дяди, с другой — ее пугала полная перемена всего, что ожидало девушку в чужой стране.

Незнание чужого языка, иноземных обычаев и нравов представлялось ей не меньшей бедой, чем необузданный гнев государя. Вместе с матерью, вдовствующей царицей Прасковьей Федоровной, и двумя сестрами Анна проживала под Москвой, в селе Измайлове.

Огромный штат прислуги окружал семью покойного царя — тут были стольники, кравчие, стряпчие, ключники, подключники, подьячие, конюхи, истопники, сторожа. А количество женской прислуги вовсе не поддавалось исчислению. К тому же, царица слыла крайне набожной и потому держала при себе целый сонм юродивых, калек, странников, нищих, предсказателей и гадалок.

В те памятные дни, когда в Измайлове приезжал сам государь — вся эта бездельная, плутоватая, праздношатающаяся орава мгновенно пряталась по дальним чуланам и кладовым. Петр люто ненавидел тунеядцев разного рода, которыми всегда славилась Россия.

Аннушка, выросшая среди всей этой праздности и пустословия, ничуть не страдала от полного отсутствия настоящих дел и душевных переживаний. Ее мать, царица Прасковья, услышав из уст самого царя, что для ее средней дочери нашелся достойный жених, поначалу несказанно обрадовалась, но досужие прихлебатели дотошно разъяснили ей — какой он веры и звания.

Вдова пришла в ужас, а ее присные впали в уныние и оторопь. Отдать юную царевну за иноверца, «схизматика», казалось им прямой дорогой в ад.

— Да как же, матушка, — твердили они обеспамятевшей от страха царице, — как можно нашу чистую голубицу отдавать в руки поганых безбожников?! Они в своих храмах сатане поклоняются, бесовские молитвы твердят! И ее, дитяtko безгрешное, непременно обратят в свою веру непотребную!

Прасковья была в отчаянии. И тем не менее не дерзнула прекословить своему царственному деверю. До ее слуха не однажды доходили толки о том, что и сам Петр Алексеевич тоже сродни нечистой силе. В народе упорно называли его «антихристом».

Среди ближайших к царице нахлебников особо славился юродивый Тимофей Архипыч, исподволь выдававший себя за пророка. Именно он внес некоторое успокоение в мятушуюся душу своей благодетельницы.

— Улетит, летит голубка прямо в терем золотой! — подпрыгивая на одной ноге и яростно почесываясь, гнусаво пропел «пророк» теплым июльским вечером 1710 года на царицыном подворье в Измайлове.

Челядь, самозабвенно игравшая в «горелки», лузгавшая семечки и мирно судачившая о том, о сем, разом примолкла. Все мигом догадались, какая «голубка» вскоре улетит от них.

— А терем-то, слышь-ко, золотой! — озадаченно качая головой, произнес старый подьячий Касьяныч.

Сенная девка Палашка подхватила и тут же полетела в царицыны покои, чтобы сообщить вдове и ее чадам радостную весть. Прасковья с дочерьми сидела в палате, обитой посеребренной кожей и жадно слушала странницу Меланью, побывавшую в Киево-Печерской лавре. (Ни в какой лавре она не была, время от времени слонялась по Подмоскovie, ночуя в монастырских приютах и набираясь вздорных слухов от «бывалых» людей.) Царица и царевны расположились на широких лавках, затянутых разноцветным бархатом, а странница скромно притулилась на табулете, обитом сукном.

В косячатые окна заглядывали прощальные лучики уходящего солнца, в просторной палате сгушался полумрак, и рассказ бывалой путешественницы о виденных ею чудесах, невероятных знаменьях и умопомрачительных страхах вполне соответствовал атмосфере таинственности, царившей вокруг.

— И тогда он, разлюбезные мои царевнушки, энтот тать, стало быть, главный, — особым, напевным тоном повествовала Меланья, — грозно эдак нам повелел, — садитесь, бабы, в круг! Мы вас будем сызнава крестить!..

— Как это сызнава?! — подала голос старшая дочь, Екатерина.

Странница шумно перевела дух, с намерением обстоятельно поведать благодарным слушательницам о страшной истории, приключившейся с ней в дороге, но тут в палату влетела сенная девка Палашка.

— Матушка-государыня! — воскликнула она с порога. — Архипыч только что вещал, быдто царевнушка наша, — девка показала на Анну, — в терем золотой вскорости улетит.

Прасковья вначале хотела прикрикнуть на служанку и выгнать ее вон, но, услышав имя прорицателя, сразу обмякла.

— Да неужто?! — в голосе ее мелькнули нотки радости.

— Святой истинный крест! — Палашка размашисто перекрестилась.

Прасковья перевела взгляд на дочерей. Старшая сурово поджала губы, младшая с нескрываемой завистью посмотрела на счастливицу, о которой шла речь. А будущая невеста стыдливо опустила ресницы. (Так требовали тогдашние правила благонравного поведения.) По правде говоря, Аннушка и сама не знала — радоваться ей или огорчаться?

Вся жизнь русских людей, особливо приближенных к трону, зависела только от желания и волеизъявления государя. Хорошо, если твои надежды и устремления совпадали с его намерениями. И плохо, ежели они шли явно наперекор. Но ни вдовствующая царица, ни ее дочери не могли даже помыслить об этом! А тут еще пророчество юродивого Архипыча.

Владыка далекой Бессарабии, господарь Дмитрий Кантемир, скрытно принимал прибывшего к нему двоюродного брата господаря Валахии — Бранкована. Его тайный гость — Фома Кантакузин — давно недолгобилвал своего владетельного

родственника. Ему казалось, что Бранкован не вправе и не в силах быть властелином Валахии: она должна принадлежать ему — Фоме Кантакузину. Тем паче, что турки все еще не теряли надежды сместить Бранкована, а возможно, и казнить его.

С пятеркой самых верных слуг прибыв в охотничье имение Кантемира в предгорьях лесистых Карпат, Кантакузин после обычных приветствий и пожеланий крепкого здоровья хозяину выжидательно умолк. Он знал, что султан Ахмед и турецкие наместники в Бессарабии сделали Кантемира господарем только с одним условием: он должен был изловить Бранкована. Вероятно, Кантемир мог подумать, что двоюродный брат его явился к нему с тем, чтобы сдать своего родственника. Однако Кантакузин с предложениями не спешил. Не спешил и Кантемир.

Любезно пригласив нежданного гостя в дом, он усадил его за стол и предложил выпить вина и отведать мяса дикого кабана, убитого накануне. Фома охотно согласился. Гайдуки принесли бочонок вина и огромное блюдо жареной свинины. Кантемир кивком выпроводил их вон, сам наполнил кубки вином.

— За что будем пить? — разгладив пышные усы, спросил он гостя.

Кантакузин молодецки усмехнулся:

— За свободную Бессарабию!..

Хозяин нахмурился:

— Свободную Бессарабию? — он в упор взглянул на Кантакузина и уточнил: — Свободную от кого?

— От врагов христианской веры! — двусмысленно ответил гость.

Кантемир отвел глаза и молча поднес вино к губам. Фома последовал его примеру. Оба враз опорожнили кубки. Хозяин придвинул гостю жаркое и негромко сказал:

— Турки вина не пьют и свинины не едят.

— Зато они поедают наши земли, — в тон ему ответил Кантакузин.

Владыка Бессарабии искоса посмотрел на него и спокойно возразил:

— Насколько мне, недостойному, известно, валашский господарь — твой близкий родственник — туркам не подчиняется, — Кантемир сделал значительную паузу и добавил почти доверительно: — Ходят слухи, что он посылал гонца к царю Петру и обещал ему любое содействие.

Фома заметно смутился. Откровенный намек хозяина выбил его из колеи. Ему оставалось одно из двух: или беззастенчиво лгать, или также платить откровенностью.

— Бранкован посылал к нему ближайшего боярина Давыда, — осторожно ответил гость.

— Вот как? И что?

Кантакузин пожал плечами:

— Царь московитов ничего ему не обещал.

— Петр все еще воюет на берегах Балтики, — поспешно бросил Кантемир, не желая, чтобы гость продолжил разговор на эту тему. — Ему сейчас точно не до того!

Уловка заключалась в том, что он сам хотел отправить своих посланцев к русскому царю. Опостылевшее владычество турок, их непомерные налоги и безжалостные поборы одолели его до крайности. Кантакузин бросил на хозяина пытливый взгляд и добавил:

— Сейчас он ищет покровительства у султана.

— Кто? Твой брат?! — хозяин насторожился.

Фома кивнул:

— Бранкован разочаровался в русских. Ждать от них нечего — так он говорит...

Кантемир не на шутку встревожился, хотя старался не подавать виду. Он никак не мог взять в толк — зачем к нему явился этот незванный гость? Прекрасно

поиная, что в силу житейских обстоятельств и переменчивой истории своего многострадального народа между двоюродными братьями не может быть мира и согласия, бессарабский владыка не мог говорить и действовать в открытую.

— А чего он добивался от Петра? О чем просил? — произнес он негромко.

Но вместо прямого ответа Кантакузин сказал, как бы между прочим:

— Турки заключили русского посла Толстого в Семибашенный замок Едикюль. Не сегодня-завтра ему отрубят голову.

В охотничьем доме господаря повисла тишина. Кантемир осторожно разлил по кубкам молодое игристое вино. Глубоко вздохнул. Прислушался. Фома невольно поднял глаза и увидел размещенные под потолком головы дикого оленя, вепря, косули, волка, медведя. Это были охотничьи трофеи хозяина. Кантемир проследил за его взглядом и мрачно процедил:

— Голова Толстого будет красоваться в другом месте.

Гость криво усмехнулся и взял в руку кубок. Хозяин потянулся за своим:

— Если посол заключен под стражу, значит, Оттоманская Порта объявила войну России?! Ведь так? — в голосе бессарабского властелина прозвучали тревожные, опасливые ноты.

Фома молча кивнул в ответ. Кантемир неожиданно воздел руку с вином и спросил без обиняков:

— За победу какого оружия мы будем пить?

Гость то ли замешкался, то ли попросту растерялся, и хозяин с усмешкой продолжил:

— Я понимаю — тебе важно знать, чью сторону возьмет Бранкован? Ты наверняка будешь на противной.

И не успел Фома собраться с ответом, как Кантемир заверил его:

— А мы будем держаться вместе! — он поднес вино к губам. — За наш прочный союз!

Оторопевший от неожиданности гость, однако, возражать не стал, и согласно поддержал хозяина. Хотя в глубине души оба понимали, что, будучи призрачными владетельными князьками на обездоленной, разоренной земле, они могли лишь иногда позволить себе маленькие и безобидные вольности.

Ведь на самом деле их жизнь и судьба целиком зависела от сильных, могучих, властных соседей, которые не станут с ними особо церемониться. А ежели они, упаси боже, затеют между собой безжалостную свару, то от Бессарабии и Валахии останутся одни лишь жалкие клочья. Если останутся.

Собратья по несчастью солидарно опорожнили кубки, и хозяин вновь предложил:

— Отведай, дорогой гость, жаркого. Этого зверя я уложил вчера.

Кантакузин придвинул к себе блюдо и взял увесистый кусок мяса. Взгляд хозяина потеплел. Сейчас он нуждался в любом союзнике.

Подготовка к свадьбе царевой племянницы шла полным ходом. После всех торжеств по поводу блистательных балтийских побед Петр с присущей ему неудержимой энергией, дотошностью и основательностью занялся устройством будущей семейной жизни средней дочери своего покойного брата.

Повелев специальным указом вдовствующей царице и трем ее дочерям немедленно явиться в новую столицу, он ждал их не в самом Петербурге, а на берегу Ладожского озера, в городке Шлиссельбурге (бывшем Орешке).

Четыре вельможные московские барыни, привыкшие жить в достатке, спокойствии и безделье, с трепетом и страхом отпавались в далекий путь. Они тряслись в тесных каретах и возках, ночевали на постоялых дворах, переправлялись через бесчисленные реки в ладьях и на паромах. И, несмотря на большую, крепкую стражу, еженощно ждали налета лихих разбойников.

Прасковье и юным ее дочерям упорно думалось, что все кругом ими кишмя кишит. Так действовали на их воображение устрашающие рассказы странников и странниц, толкавшихся на царском подворье в Измайлово.

Впервые очутившись за сотни верст от родимого гнезда и потеряв счет дням, четыре женщины воочию убедились, сколь велика и обширна страна и земля, по которой они передвигались. И насколько был мудр их отец и муж — царь Иван Алексеич (считавшийся слабоумным), — никогда не покидавший границ матушки Москвы.

Когда на горизонте показались высокие, крепкие, массивные стены Шлиссельбургской крепости — путешественницы едва перевели дух. Они даже не успели набелиться и нарумяниться, как навстречу им прискакал сам царь с денщиком Кикиным и четверкой лихих драгун.

— Ну, здравствуйте-здравствуйте, дорогие племянушки и любезная сношенька! Я zelo вам рад! — Петр крепко обнимал и целовал взасос всю свою ошеломленную родню.

Старшую царевну — Екатерину — он держал в объятиях дольше всех. Кикин, заметив это, понимающе усмехнулся. Девица была краше и глаже своих сестер. Дядины объятия с поцелуями она принимала весьма охотно и безропотно. А суровые драгуны смотрели на сцену шумной царевой встречи, не моргнув глазом, словно все происходящее их никак не занимало.

Государь внимательно окинул своих близких: вдовствующая царица была одета по-русски — в однорядный суконный сарафан, в толстую душегрею, крытую парчой, на голове ее красовался округлый кокошник, похожий на опахало. Зато царевны, зная крутой нрав дяди, шеголяли в европейских нарядах: в пышных кринолинах, в коротеньких мантильях, отороченных собольим мехом, в кокетливых чепцах.

Петр остался доволен осмотром, понимая, что вкус стареющей снохи уже не переделать, а ежели переодеть ее в немецкое платье — смеху не оберешься! Усадив родню в карету, он повез их к городку. Измученные кошмарной дорогой женщины мечтали об одном — поскорее оказаться в мягкой теплой постели и проспать несколько суток подряд, не размыкая глаз.

Однако же неугомонный дядя приготовил им очередной сюрприз — вместо уютных хором с просторными кроватями и мягкими перинами их ждал двухмачтовый бриг, стоящий на якоре в небольшой бухте. У берега мерно покачивалась вместительная шлюпка с десятком матросов, выжидательно сидящих на веслах.

Прасковья с дочерьми, никогда не видевшая морских судов и обширных водных пространств, не на шутку встревожилась.

— Куда же ты нас, государь мой, привез?! Нешто мы — твои матросы? — дрожащим голосом обратилась она к царственному деверю.

Петр, довольно улыбаясь, громогласно объявил:

— А сейчас, мои разлюбезные гостенечки, мы поднимемся на корабль и поплывем в славный город Санкт-Петербурх! Променад вам будет как нельзя кстати!

Женщины оконечили от ужаса. Все, что они пережили недавно: дорожную грязь и ухабы, ночевки в курных избах, полных клопов, блох и тараканов, переправы

через холодные северные реки — показалось им детской забавой! Отдать себя в руки грозной, неведомой ранее стихии было равно неминуемой смерти! Мать и дочери едва не потеряли сознание.

Но царь поднял на руки свою любимую племянницу Екатерину и понес ее к лодке. Прасковья с двумя другими потянулись следом — послушаться сурового самодержца они не смели. Матросы, глядя на царские причуды, довольно ухмылялись. Передав племянницу в их сильные, мозолистые руки, Петр обернулся к снохе:

— Ну, где ты там, Прасковьюшка? Шагай смелей, матушка! Нешто, совсем сомлела? И девки твои, вижу, шибко канителются.

Царевны, услышав дядин окрик, разом прибавили шагу, забавно выступая в своих иноземных, вычурных нарядах. Их пышные юбки — кринолины, — натянутые на тугие обручи из китового уса, зыбко колыхались в такт робким девичьим шагам.

— Женщина на судне — плохая примета, Петр Алексеич, — негромко напомнил царю денщик Кикин, — а тут их целых четыре!

Но государь только добродушно посмеивался, усаживая свою, онемевшую от ужаса, родню в шаткую посудину.

— Навались на весла, ребяташки! — подбадривал он гребцов. — И доставьте сей драгоценный груз в целостности и сохранности! Мне он зело нужен!

Прасковья в испуге закрыла глаза. И стоило матросам налечь на весла, как вдовствующая царица жалобно запричитала:

— Ой, боже-боже! Ой, матушка-царица небесная! Заступница-троеручица! Ой, святые угодники! Ой, свят-свят-свят!.. Пресветлый Господь! Спаси нас и сохрани!

Дочери, особенно младшая, уже готовились заплакать, но оглушительный хохот дяди и его денщика, довольные ухмылки матросов заставили их изо всех сил сдержаться. Старшая, Екатерина, и средняя, Анна, даже сумели перевести дыхание. Сидя на тесных скамьях, они смотрели на дно шлюпки и ни разу не взглянули по сторонам.

Однако самое непредсказуемое, суматошное и завлекательное событие случилось потом, когда лодка вплотную приблизилась к борту судна, и оттуда спустились веревочную лестницу. Вдовствующая царица уже осипла от воплей и причитаний, но к ее ногам, проворно развернувшись, со стуком упала гибкая морская снасть.

Государева сноха на миг затихла, с недоумением глядя на два крепких каната, соединенных между собой частыми веревочными перемычками. Кое-как отерев слезы, она в недоумении покосилась на своего царственного мучителя, а тот, давясь от хохота, бодро скомандовал:

— Ну, чего уставилась? Полежай!..

— Куды? — Прасковья остолбенела.

— Туды, — царь задрал голову, — на борт, стало быть. Живей!

Обеспамятевшая женщина каким-то чудом сообразила, что ее, помимо воли, вынуждают карабкаться на это бесовское сооружение и храбро отбрила:

— Не полезу, ваше величество! Хочь режь!

Матросы, столпившиеся у борта, жадно смотрели вниз, балагурили и пересмеивались. Петр подскочил к упорствующей снохе, обмотал ее канатом и грозно прикрикнул:

— А ну, держись, упрямица! Крепче, кому говорю!

Та невольно, что было сил, ухватилась за веревочную «ступеньку».

— Подымай ее, братцы! Токмо аккуратней! — гаркнул царь.

Живая ноша медленно поползла наверх. Царевны тоненько, жалостливо повизгивали. Но бедная вдова, слава богу, держалась намертво, и проворные

матросы мигом подняли ее на палубу. Сказать по правде — высота была невелика, всего-то аршина три-четыре.

— Девки, — оборотился дядя к племянницам, — вы панталоны, чай, надеть не забыли? — он подмигнул в сторону гребцов. — А то они ослепнут ненароком.

Царевны густо покраснели. Несмотря на вполне понятный страх, все трое стыдливо потупились — это должно было означать, что дядино подозрение неуместно. Однако же тот знал — любое беспокойство будет нелишним. Его первая жена Евдокия, по старорусскому обычаю, обходилась без нижнего белья. И чувствовала себя превосходно. Веревочная лестница вновь упала на дно шлюпки.

— А ну, красавицы! — воскликнул царь. — Кто отважится свой страх одолеть? Ну, же! Смелее!

Анна первая шагнула к борту. Дядя весь засветился от восторга:

— Давай, Аннушка! Давай, милая! Чай, не к черту на рога поплывем, а в славный град Петербурх. На твою свадьбу!

Все дальнейшее произошло легче и быстрее. Трех царевен, несмотря на их широченные кринолины, матросы ловко подняли на борт. Следом поднялись государь с денщиком, матросы поставили паруса, и судно снялось с якоря. Прасковья обняла дочерей, укоризненно попеняв царю:

— Крепко напужал ты нас, ваше величество! Куда с добром! Рази можно эдак-то с родней обходиться?! Девки мои и я, грешная, чуть со страху не окочурились! Ох, не приведи, Господь!..

Но Петр и не думал каяться и просить прощения. Он был непоколебимо убежден, что каждый русский человек, независимо от пола и звания, должен полюбить море. Государь говаривал: «Я приучу семью свою к воде, чтобы впредь не боялись моря и чтоб им понравился Петербург, окруженный отовсюду водою. Кто хочет со мною жить, тот должен бывать часто на воде!» Иного было не дано.

17

В дом к суровому правителю Бендер Юсуф-паше привели пойманного на границе русского гонца. При нем нашли тайную грамоту. Паша решительно сломал печати, развернул скрученный в трубку бумажный лист. Несколько минут смотрел в него, потом решительно протянул толмачу:

— Читай!

Валах-переводчик повертел грамоту так и эдак, сокрушенно вздохнул. Юсуф-паша нетерпеливо бросил:

— Приведите сюда гетмана!

Слуги бросились за Орликом. Паша кивнул толмачу:

— Спроси этого неверного, кому он вез эту бумагу?

Валах-толмач стал дотошно расспрашивать связанного по рукам и ногам пленника. Видимо, они не вполне понимали один другого, и потому оба запинаясь и пытели. Юсуф-паша насторожился. Вначале ему показалось, что «гяур» нагло упорствует, но затем он смекнул, что толмач находится в большом затруднении.

— Ну, что? — рывкнул он сердито. — Ему недорога голова?!

Валах смутился:

— Он говорит, что должен был доставить эту бумагу какому-то толстому москвиту.

— А что в ней? Говори толком!

Толмач повернулся к пленному и перевел ему вопрос хозяина. Услышал короткий ответ и покачал головой:

— Он не знает. Знает этот толстяк.

Юсуф-паша нахмурился. Но тут в зал вошли гетман Орлик и поляк Понятовский. Смирно поклонились турецкому владыке.

Паша без обиняков приказал толмачу:

— Отдай ему бумагу!

Взяв в руки грамоту, самозванный гетман внимательно прочел ее. Это было послание царя Петра турецкому султану. Укоризненное и справедливое. Государь жаловался на бесцеремонное нарушение мирных договоренностей, порицал наглое своеволие крымских татар, безжалостно убивающих и грабящих мирное православное население. Упомянул о покровительстве и укрывательстве прямых врагов русского государства. О нежелании выдавать изменников и преступников. Пенял на то, что турки признали «вора» Орлика малороссийским гетманом.

Собравшись с духом, Орлик досконально перевел все это прилежно внимавшему хозяину, опустив лишь упоминание о самом себе. Но и этого оказалось достаточно, чтобы Юсуф-паша рассердился и забеспокоился:

— Этот владыка неверных совсем сошел с ума! Укорять султана, да продлит Аллах его дни, за своеволие крымского хана?! Девлет-Гирей не резвый скакун, которому можно спутать ноги!

Орлик и Понятовский недоуменно переглянулись. Логика суждений вельможного турка была им непонятна. Юсуф-паша повернулся к гетману:

— Спроси у него, от кого он это получил? И какому толстому москвиту должен ее передать?

Орлик обратился к пленнику на его родном языке:

— Кто вручил тебе это послание? Кому ты должен был его доставить?..

Гонец тихо ответил:

— Люди канцлера Головкина. А должно отдать его послу Толстому.

Самозванный гетман усмехнулся и по-турецки разъяснил:

— Вручили ему бумагу слуги русского визиря, а предназначалась она послу Толстому.

— Посол уже сидит в Семибашенном замке, — буркнул хозяин, — и ждет своей участи.

Понятовский сказал гетману по-польски:

— Царь Петр им этого не простит.

Орлик пожал плечами, а Юсуф-паша приказал слугам:

— Отведите гяура в зиндан и посадите под замок! — потом перевел тяжелый взгляд на поляка и украинца, сердито предупредив обоих: — В Стамбуле об этом не должно знать! Незачем беспокоить великого султана наглыми бреднями москалей.

Самозванный гетман и польский агент молча поклонились. Орлик передал грамоту валаху-толмачу и вместе с Понятовским вышел вслед за евнухами, конвоировавшими незадачливого русского гонца.

— Как думаешь, Пилип, — шепнул гетману поляк, — когда русские пойдут войной на Порту?

Орлик минуту подумал и ответил почти уверенно:

— Не раньше весны будущего года.

— Я тоже так думаю, — согласился Понятовский, — большая часть русской армии наверняка будет зимовать на берегах Балтики, — и неожиданно спросил: — Неужели Петр всерьез думает, что турки выдадут ему Карла? Зачем ему шведский король, если армия его разбита?

Гетман, утаивший от всех упоминание о собственной персоне, негромко пояснил:

— Он человек мстительный и жестокий. Настоящий азиатский деспот.

— Наши нынешние хозяева ничем не лучше! — усмехнулся поляк.

Орлик припомнил:

— Покойный гетман Мазепа не жаловал ни москалей, ни турок. Он, бывало, повторял: «Хрен не слаще редьки!»

Они оба согласно вздохнули и отправились по узким, кривым и пыльным улочкам туда, где квартировал шведский король. Молчаливые валахи в лохматых бараньих шапках, разительно похожих на островерхие стожки сена, попадались им навстречу, ведя в поводу немилосердно навьюченных ослов или лошадей.

Иногда дорогу перегораживала скрипучая арба, и прохожим приходилось вжиматься в глухие заборы, пропуская ее. Возница, чудом сидя на облучке, меланхолично взмахивал кнутом, давая понять, что он следит за обстановкой и тощая кляча во всем слушается его.

Перед глухими воротами, за которыми находился каменный особняк, где содержался шведский монарх, путники остановились. Орлик постучал в небольшое оконце. Оно со скрипом открылось, и появилась физиономия молодого янычара. Гетман сказал ему что-то по-турецки. Распахнулась тяжелая калитка, поляк и украинец прошли во двор. В дальнем его углу четверка охранников резала барана.

Один, держа животное за толстые крутые рога, сидел на нем верхом, второй кривым, острым кинжалом ловко полоснул жертву по запрокинутому горлу. Двое других, горячо и быстро тараторя, помогали собратьям советами. Понятовский едко усмехнулся:

— Вот так же они перережут глотку королю и нам, грешным!

Баран едва успел издать низкий, басовитый хрип, на половине его поперхнулся и обмяк. Янычары довольно засмеялись. Поляк и украинец вошли в дом. В прихожей телохранители короля играли в кости. Исподлобья взглянув на вошедших, они даже не двинулись с места. Вероятно, игра занимала их больше, чем появление неожиданных гостей.

Орлик и Понятовский прошли в зал. Карл, полулежа на тахте, читал Библию. Гилленкрок, сидя за небольшим столиком, что-то писал. Шпарре смотрел в окно, наблюдая за янычарами, свежавшими барана. Гетман и польский агент молча поклонились. Первым поднял голову адъютант короля Гилленкрок.

— С чем пожаловали, господа? — вполне миролюбиво спросил он.

— Турки перехватили гонца московитов, — незамедлительно ответил Орлик, — он имел при себе грамоту царя Петра. Я перевел ее паше.

Оба генерала и король сразу оторвались от своих занятий. Шпарре ушел от окна, король привстал.

— Грамота? Вот как? — Гилленкрок отложил перо. — И что в ней?

— Петр объявляет османам войну?! — вмешался Карл с надеждой в голосе.

Орлик перевел взгляд на короля:

— Нет, ваше величество. Русский царь жалуется на крымских татар, совершающих грабительские набеги, — он придержал дыхание, — и укоряет султана в том, что он не выдает ему...

— Нас! — с усмешкой подхватил Шпарре.

Украинец и поляк согласно кивнули головами. Карл вскочил на ноги и быстро заходил по комнате. Кожаные засаленные штаны его глухо скрипели, редеющий ежик волос на темени возмущенно колыхался.

— Султан, по мнению Петра, дерзко нарушает мирный договор, — негромко поддержал гетмана Понятовский.

Король почему-то остановился перед Гилленкроком, в упор глядя на него:

— Он что — не собирается воевать?!

— Кто? — не понял адъютант.

— Царь московитов, — король сплюнул, — турки посадили в тюрьму его посла, — он перевел взгляд на Шпарре, — а Петр требует нашей выдачи. И делает вид, будто ничего не произошло!

В зале воцарилась тишина. Шпарре, минуту поразмыслив, осторожно предположил:

— Тут возможны два варианта.

— Варианты? Какие? — сразу же отозвался король.

— Либо ему еще не донесли об аресте Толстого, — генерал сделал паузу, — или Петр не готов к войне и потому делает вид, будто ничего не случилось.

Гилленкрок охотно поддержал старого боевого товарища:

— Здесь, скорее всего, второе — армия московитов далеко на севере (он намеренно не упоминал о проигранных сражениях и сдаче городов), и царь Петр к войне с турками не готов.

Карл потряс кулаками:

— Проклятые османы! Трусливый, малодушный народ! — он гневно оглядел присутствующих. — Войну надо начинать немедленно! Тотчас же! Какие идиоты!

Свита короля и случайные свидетели дружно отмолчались. В зал осторожно заглянул обеспокоенный телохранитель, а в открытые окна нахально вползал дразнящий, аппетитный запах жареной баранины.

18

— Охти мне! Охтимнешеньки!.. Ой, батюшки-светы!.. Да что ж такое деется?! Куды ж ты лезешь, тварь поганая?! Разрази тебя гром, проклятушую! — доносился из тесной каюты пронзительный вопль вдовствующей царицы.

Государь, находившийся на палубе, заглянул внутрь сумрачного убежища. Прасковья, сидя на кровати и прижав кулаки к щекам, смотрела безумными глазами на толстую серую крысу, деловито и бесцеремонно расхаживавшую по столу.

Не обращая ни малейшего внимания на отчаянные крики женщины, наглая тварь, сверкая бусинками черных зорких глаз и шевеля щетинкой усов, обнюхивала остатки недавнего завтрака. Петр сдернул с левой ноги туфлю и, прицелившись, ловко метнул ее в серого мародера.

Но крыса оказалась проворней и ловчее: схватив кусок пирога, она спрыгнула на пол за секунду до того, как царский башмак шмякнулся на стол. И стук ее тела был равен по силе удару царской обуви. Через мгновение воровка исчезла.

— Ой, свят-свят-свят! Ох, отцы-святители. Оборони мя, Господи! — перекрестилась вдова непослушной рукой.

Государь вошел в каюту, поднял туфлю и, надевая ее, сказал с усмешкой:

— Чай, насмерть перепугалась, сношенька? — он мельком оглядел сумрачное помещение и с укоризной напомнил: — Говорил я тебе давеча — ступай на воздух! Девки твои, вон, на палубе день-деньской торчат! Небом да водой любятоя, а ты тут, как окаянная, сиднем сидишь! Ну, доколе?!

Прасковья, вздыхая, грузно поднялась с постели, поддавшись не столько увещаниям деверя, сколько опасаясь очередного визита алчной серой твари. Выйдя следом за Петром на свободу, вдова невольно закрыла глаза: обилие света, отблеск белых натянутых парусов, неоглядный простор, со всех сторон окружавший судно, потряс и напугал немолодую женщину.

Проведя всю жизнь на твердой земле, будучи надежно защищенной то массивными стенами богатых палат, то высоченными каменными заборами,

она почувствовала себя жалкой песчинкой в беспредельном, незнакомом мире. Прасковье стало страшно.

— Матушка! — издалека, словно с того света, донесся к ней голос старшей дочери Екатерины. — Погляди сюда — там дома виднеются! Город должно.

Государь взял вдову под локоть. Она опасливо приоткрыла глаза. Три ее дочки, вполне освоившись с обстановкой, стояли прямо у борта и смотрели вдаль. Матросы, там и сям толкавшиеся на палубе, будто бы занимались делом, а сами не сводили жадных глаз с царских племянниц. Почти полгода они не видели ни единой женщины, а тут их было целых три, да все в иноземных вычурных нарядах!

— К Петербурху подплываем! — раздался густой, басовитый голос царя. — Смотрите, девки, в оба! — он почти насильно подвел Прасковью к дочерям.

Та ступала сторожко и нетвердо, как слепая, словно боясь, что под ней разверзнется пол.

Корабль, трепеща на ветру парусами, уверенно шел по самой стремнине реки. Темные воды Невы податливо и бодро несли его. Минули устье реки Фонтанки. Царские племянницы, прилежно смотревшие по сторонам, успели разглядеть убогие одноэтажные домишки с обмазанными глиной стенами, старательно выкрашенными под кирпич, деревянные, наспех сколоченные мосты, переброшенные через каналы, строительные леса вокруг будущего Летнего дворца, фундаменты и стены особняков графа Апраксина, Головкина, Шафирова. Это была левая, Адмиралтейская, часть города.

Но тут судно плавно развернулось, захлопали паруса, заскрипели ванты и фалы, дрогнули рей и леера. Девицы испуганно взвизгнули, их мать зашептала молитву помертвелыми губами. А царь только довольно смеялся и ободряюще восклицал:

— Вот мы и дома! В самом, что ни на есть Парадизе! Смотрите и радуйтесь!

Племянницы, кое-как придя в себя, успели заметить, что корабль приближается к берегу. Прямо по курсу были видны куртины и бастионы грозной крепости, и на одном из них громко выстрелила пушка, приветствуя государя.

Бедная Прасковья, почти лишившаяся чувств, едва не обмочилась со страху. С корабля тоже ответили выстрелом. Девицы вздрогнули, ойкнули, но, увидев на берегу толпу народа: разодетых вельмож, их жен и дочерей в праздничных нарядах, мигом пришли в себя.

Среди встречающих особу государя и его родных находились губернатор Ингерманландии, Римской империи князь Меншиков с женой, канцлер Головкин, вице-канцлер Шафиров — оба с супругами, царевич Алексей со своей крестницей, подругой царя Екатериной, и будущий жених царевны Анны, курляндский герцог Фридрих-Вильгельм, которого привез в северную столицу фельдмаршал Шереметев. Высоких лиц окружали ливрейные слуги, дворяне, купцы — иноземцы и свои — и прочий разночинный люд.

На колокольне Петропавловского собора призывно, залиvisto и бойко зазвонили колокола. Матросы отвязали шкоты и по вантам устремились к гrotам, марсеям и брамсеям — в считанные минуты все паруса были прибраны. С шумом опустился в воду якорь, и несколько шлюпок, слаженно мелькая веслами, направились к судну.

Вдовствующую царицу и трех ее дочерей бережно спустили в руки гребцов, заботливо усадили на скамьи, следом спустился сам государь. С ним отправились на берег денщик Кикин, капитан корабля и его помощники. Толпа под стенами крепости уже изнемогла от нетерпения. И стоило шлюпке с царем уткнуться носом в мокрый песок, как все высшие чины государства бросились навстречу властелину.

Петра это радовало и огорчало. Радовало то, что всеми признавались его истинные достоинства и заслуги, а огорчало несомненное лицемерие многих. Опережая других, первым полез с объятиями Александр Данилыч Меншиков.

— С приездом, мин херц, заждались мы тебя! — он посмотрел на цареву племянницу Анну и хитро подмигнул: — Жених тут волком воет — когда, мол, нареченную ему доставят! Изнемог весь! — и Данилыч дробно рассмеялся.

Петр понимающе улыбнулся, поискал глазами курляндского герцога, но тут к нему протиснулся канцлер Головкин и негромко доложил:

— Опять неладно с турками, государь!

Петр нахмурился:

— Грамота моя султану не по нутру или как? В чем заковыка?

Канцлер вздохнул:

— Человек, которого я с твоей депешей посылал, сидит в земляной тюрьме. Османь его по дороге перехватили...

— А Толстой? С ним-то что?

Головкин потупился:

— Толстого султан в Семибашенный замок упрятал, под семь замков.

Петр наливался досадой и гневом. Придворные, обступившие государя, встревожились и поскучнели. Они ждали иного.

— Откуда сие известно? Кто передал? — с трудом выдавил царь.

— Австрийский посол передал через верных людей, — вместо Головкина ответил вице-канцлер Шафиров.

А толпа, собравшаяся на берегу, все прибывала и прибывала. Неумолчно звонили колокола Петропавловского собора. Петр оглядел встречавших. С высоты своего гигантского роста он сумел различить в кучке придворных и тихого сына Алексея, и курляндского принца, и свою любимую наложницу Екатерину, стоявшую подле бывшей госпожи — супруги Меншикова. Неужто он обманет все ожидания этих людей?

— Ну, ин ладно! — бодро возвестил государь всем собравшимся. — Пока суд да дело — отметим все добрым пирком да примем за свадебку!.. Приспела, чай, пора! — и весело оглянулся на свою родню.

Прасковья с дочками смиренно стояли за его спиной, и царевны, особливо средняя, целомудренно склонили очи долу, являя собою образец чистоты и непорочности. Придворные одобрительно, восторженно зашумели в ответ на соблазнительные пожелания самодержца.

19

В тюрьме, будь она российской или какой-либо другой, Петр Андреевич не сживал ни разу. Хотя прекрасно помнил поговорку, что «зарекаться от нее не следует». И, как всякий русский человек, не понаслышке был знаком с ее жуткими порядками и устройством.

Но, несмотря на всю худую славу родимых острогов и арестантских изб, посол досконально знал, что турецкие «зинданы» не в пример хуже. И не ошибся. Старого шестидесятипятилетнего узника поместили в глухой каземат, больше похожий на погреб, чем на тюремное помещение. А до этого он пережил невыносимое позорище и поношение.

Неуспынная охрана во главе с чюрбачеем умело, дочиста разграбила его жилище. Русского посла переодели в зловонное рубище, посадили верхом на старую хромую лошадь и повезли через весь город в Семибашенный замок, находившийся на южной окраине Стамбула.

Торговцы, ремесленники, пекари, водоносы, простые обыватели, турки и греки, мужчины, женщины и чумаза дитвора, хохоча и показывая пальцами на униженного лысого старика, от души потешались над ним, пока хромая клыча несла его до места заключения. А на самом берегу Мраморного моря, под одной из семи башен, находилась тюрьма...

Очутившись в тесном, круглом каменном мешке, закрытом сверху тяжелой железной решеткой, Толстой безотчетно подумал: «Ну, все! Конец! — он машинально перекрестился. — Этот поганый острог станет моей жалкой могилой».

И мысленно помолился Всевышнему, готовясь покорно принять скорую и неминуемую кончину. Ведь в самом деле — глупо было думать и надеяться на то, что его горькая судьба когда-нибудь переменится! Разве может усталый, измученный, немощный старик верить тому, что с несказанной легкостью он вынесет все тяготы, внезапно свалившиеся на его бедную голову?!

(Несчастный узник не знал и никак не предполагал, что жизнь и судьба преподнесут ему еще более удивительные подарки. Несмотря на тяжкое заключение, жестокую болезнь и душевные муки, Петр Андреевич выйдет-таки на свободу. Вернется в Россию, продолжит нелегкую царскую службу и достигнет весьма высоких чинов.

Осудит на смерть незадачливого сына Петра Алексея. Переживет и самого государя. Получит титул графа, возведет на престол бывшую наложницу Петра Екатерину, затем сойдется в беспощадной схватке с Меншиковым и закончит свою пеструю, переменчивую жизнь в далекой тюрьме на Соловках. Восьмидесяти четырех лет от роду. Его гениальному потомку будет отпущено на два года меньше.)

Однако в своей нынешней беде Толстой не искал виновных. И не думал укорять в случившемся того, по чьему соизволению он оказался в столице Оттоманской Порты, а потом — в темнице. Как любой русский человек, стремившийся сделать карьеру, он понимал — все его успехи и неудачи напрямую зависят от воли и желания верховных владык.

Вначале это был Алексей Михайлович, потом Федор Алексеевич, следом Иван Алексеевич, царевна Софья и, наконец, Петр. Толстой невольно сравнивал их между собой и в отношении к самому себе. Алексея Михайловича недаром звали «Тишайшим». Он ни на кого не держал зла и никому не сделал худа. Федор был добр, незлобив и простодушен. Иван кроток и недалек умом. Софья — хитра, мстительна и тщеславна. Служба при двух первых братьях не отличалась суровостью и строгостью, а вот их сестра требовала служить ей и за страх, и за совесть.

Это по явному наущению Софьи молодой Толстой сочинял и разбрасывал «подметные» письма, в которых откровенно призывалось извести под корень все семейство Нарышкиных, и в первую очередь мальчишку Петра, недавно избранного царем. Здесь Петр Андреевич чувствовал свою неизмеримую вину и помнил, что по тогдашним неписаным законам ему могли запросто снести голову. И никто не смел бы встать на его защиту.

Опять же никто и никогда уже не узнает, каким образом бывший стольник сумел-таки вымолить себе прощение. Только совершенно очевидно, что всю дальнейшую жизнь он, как тогда говорили, — стремился «заслужить вину». Известные разбойники — Ермак Тимофеевич, Иван Кольцо — «заслуживали» ее рьяным взятием чужих земель. А Толстой — верной, невероятно трудной, рискованной и беззаветной службой.

Узник тяжело вздохнул и попытался удобней пристроить больную ногу. Подагра давала себя знать, и жидкая соломенная подстилка была далеко не больничной кроватью. Успев дотошно изучить нравы и повадки османов,

Петр Андреевич отлично понимал, что нынешнее его положение есть не только жестокая кара, но еще и своеобразный знак. Бесконечно унизив посла христианской державы, турки определенно давали понять, что его персона и жизнь не стоят ничего.

Он обещан и унижен, как последний негодяй и преступник. И не сегодня-завтра посла удавят петлей или отсекут ему голову и выставят ее на стенах Семибашенного замка. (Своих султанов и визирей османы душили тайком и не сообщали об этом во всеуслышание. Слухи сами проникали сквозь стены гарема.) Такого позорного конца Толстой никак не ожидал.

Он почему-то вспомнил баловня и любимца царя Алексашку Меншикова, сумевшего однажды вытянуть счастливый жребий. Холоп, простолюдин, человек самого низкого происхождения, спавший когда-то на полу в ногах у юного Петра, он сумел стать его ближайшим наперсником! Толстой честно признавал, что у Данилыча был редкостный дар — предугадывать все мысли и желания царя. У него такого дара, увы, не было.

Хотя ему, безусловно, очень хотелось угодить всеильному самодержцу и получить от него заслуженные блага, но все выходило не столь гладко и своевременно. У Меншикова это получалось блистательно. А Толстого царь всегда держал на подозрении, вопреки тому, что Петр Андреевич не чурался никакой службы и при случае не прятался за чужие спины и даже не страшился вражеских пуль.

В Азовском походе 1696 года, который затеял двадцатичетырехлетний Петр, Толстой, как испытанный ветеран былых сражений с турками, принимал самое деятельное участие. И его толковыми советами охотно пользовались царские генералы. Даже на известной гравюре Шхонебека «Взятие Азова» Петр Андреевич изображен рядом с молодым государем, в компании Б. П. Шереметева, П. Гордона, Ф. Лефорта, А. Шеина и А. Головина...

Тем самым всеми непреложно признавалось, что бывший заядлый бунтарь стал ближайшим помощником Петра, а не нет! Тут в голову бедного узника проникла крамольная мысль: «Может, и в далекий Стамбул царь отправил меня затем, чтобы держать от себя подальше?!»

Наверху послышалась голоса. Толстой поднял голову. Смоляные факелы, горевшие поверх железной решетки, отбрасывали желто-красный отблеск на все вокруг. Иногда они трещали и чадили, примешивая к общему зловонию резкий запах смолы. Петр Андреевич научился понимать турецкий язык, и, когда один тюремщик сказал другому, что «не слишком ли велика лепешка, которую они принесли плешивому урусу?» — бывший посол понял: речь идет о нем.

Две бородатые головы в чалмах, похожих на тыквы-горлянки, склонились над прутьями решетки. Факелы горели за их спинами, и потому несчастный узник не мог различить ничего, кроме белков любопытных глаз, смотревших на него, как на диковинное создание.

— Салям алейкум, каль урус! — насмешливо произнес один из стражников. (Мир тебе, плешивый русский!)

— Алейкум салям! — незлобиво ответил Толстой, зная, что плешивый, то есть лысый человек, — один из самых нелепых, незадачливых героев всех восточных сказок. Эдакое всеобщее посмешище. (Возможно, так оно и есть!)

Тюремщики весело, довольно рассмеялись, и первый опустил сквозь отверстие решетки тонкую веревку с крюком, на котором висела большая, круглая лепешка. Посол кое-как поднялся на ноги и приковывал к месту, где оказался его суточный прокорм. Второй страж спустил на веревке медный кувшин с водой.

— Держи. Ешь и пей, плешивый! Благодарю Аллаха! — щедро распорядился он.

Толстой снял с крюков еду и питье, усердно отблагодарив тюремщиков. Он понимал, что от их доброго отношения зависит его дальнейшая судьба. Те игриво посмеялись, кивнули ему своими тыквенными головами и быстро удалились.

Петр Андреевич бережно взял в руки лепешку. Она была в целый обхват, с толстыми, в два пальца, краями и тонкой середкой. Замешанная из простой муки с водой и бараньим жиром, испеченная в печке-тандыре и называемая «патыр». Бывший посол отломил, вернее — оторвал кусок, поднес его ко рту и вдруг заплакал. Скупые стариковские слезы заскользили по морщинистым щекам к уголкам рта, едва смочив края пресного, насквозь пропеченного теста.

Толстой почему-то вспомнил скорбные слова Писания: «Предал мя Бог беззаконным и в руки нечестивым бросил мя. Где же после сего надежда моя? В преисподнюю сойдет она и будет покоиться со мною во прахе!»

Так вопиял когда-то многострадальный библейский Иов, и бедный Петр Андреевич мог, не кривя душой, повторить его безутешные слова.

(Окончание в следующем номере.)

